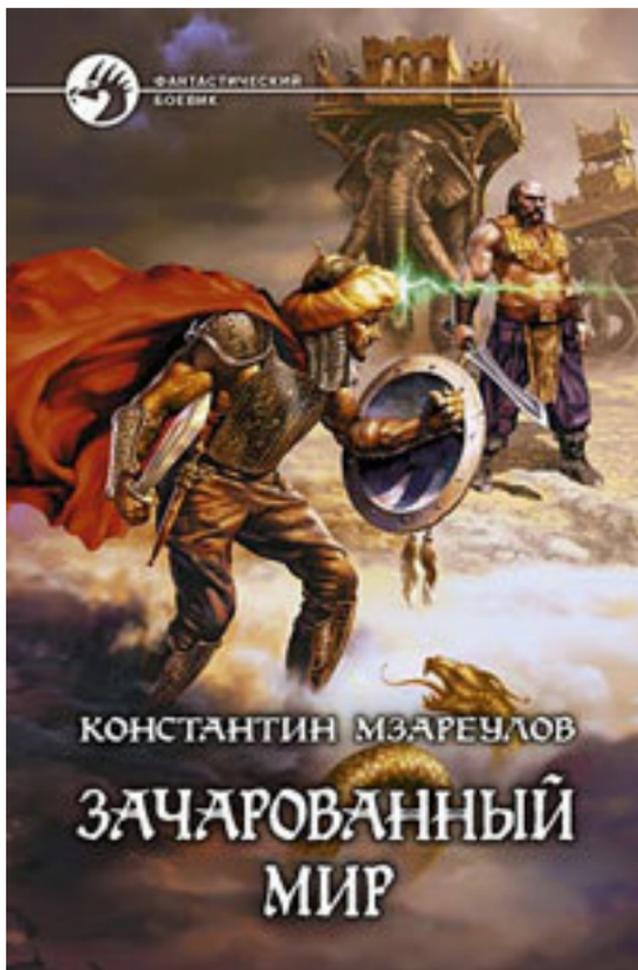

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

КОНСТАНТИН МЗРЕУЛОВ

ЗАЧАРОВАННЫЙ МИР

Константин Мзареулов

Зачарованный мир

<http://www.fenzin.org>

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=162046

Зачарованный мир: «Издательство АЛЬФА-КНИГА»; М.; 2007

ISBN 5-93556-909-4

Аннотация

Старые боги покинули Средний Мир, но еще не все племена приняли веру в Единого. Расколотившаяся на карликовые княжества Великая Белая Рысь переживает не лучшие времена, и злобные колдуны Магриба двинули на ослабленную державу орду свирепых кочевников. Лишь немногие князья и колдуны понимают опасность, призывая к единству, ибо врозь не отразить нашествие. Немало сил прилагает для возрождения царства Сумукдиар – один из лучших знатоков ратного чародейства. Именно ему предстоит выйти на поединок с главарем орды – непобедимым чудовищем, захватившим арсенал хиндустанского божества Индры.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	38
Глава 3	55
Глава 4	106
Глава 5	139
Конец ознакомительного фрагмента.	159

Константин Мзареулов

Зачарованный мир

Глава 1

РУИНЫ ОТЕЧЕСТВА

Несмотря на частые ураганы, с начала лета эти места не знали дождя, земля рассохлась, и каждый удар копыт взметал облачко удушливой желтой пыли, а сегодня пыли поднималось особенно много. По разбитой грунтовой дороге, извивавшейся среди прибрежных барханов, мимо изъеденных временем скал, мимо развалин парфянских поселений, сожженных магрибцами в позапрошлом столетии, мимо обрушившихся стен арабистанских крепостей, разгромленных хозарами в начале века нынешнего, мимо невообразимо древних руин, пропитанных чудовищной магией неведомых народов прошлых эпох, мимо чахлых полей и глинобитных хижин двигалась кавалерийская колонна – Гирканский полк возвращался с братоубийственной войны. Позади оставался долгий путь, уже показались горы, за которыми раскинулся Тахтабад, и лица воинов сияли счастливыми усталыми улыбками. Солдаты вполголоса переговаривались, радостно предвкушая скорую встречу с родными, но выра-

жать свои чувства громче не решались, опасаясь потревожить задумчивое молчание мрачной фигуры, возглавлявшей полковую колонну.

Человек в серебристой чалме и алом плаще, накинутом поверх доспеха, ехал впереди всех на сером в яблоках жеребце по имени Алман, опережая на три конных корпуса даже командира полка сарханга Нимдада и остальных старших офицеров. Сумукдиар не занимал каких-либо постов в военной иерархии Атарпаданского Эмирата, однако по праву считался одним из лучших мастеров ратного дела, и потому, когда войско хастанцев перешло границу, намереваясь прорваться в Арзуан, встревоженный назирхекмандар без колебаний поручил ему возглавить брошенную навстречу врагу армию. Победа была достигнута столь быстро и столь малой кровью, что всем стало ясно: правители в Акабе не ошиблись, остановив свой выбор на этом человеке. Впрочем, многие искренне и не без оснований сомневались, является ли он человеком в подлинном смысле этого слова – слишком уж тесно Кровавый Паша был связан с силами, выходящими за пределы людского разума.

Ужасающие слухи о его сверхъестественном могуществе проникли в каждый уголок Средиморья и докатились даже до северных фьордов, скифских степей, заснеженных полей Великой Белой Рыси и даже до франкских земель. Сын хозяина замка Ганлыбель, агабек Сумукдиар Хашбази Ганлы, был джадугяром – могущественным волшебником, третьим

по силе среди чародеев Атарпадана. Посвященный в раннем детстве великому Ахурамазде, богу Света и Добра, Сумукдиар неожиданно для обучавших его жрецов превратился в демона воинствующей справедливости и предпочитал служить силам добра наиболее прямолинейным способом – сражаясь со Злом. Поскольку земные владыки из числа простых смертных всегда не жаловали столь непокорных и своевольных волшебников, молодой агабек Хашбази не был приближен ко двору. Убить его, конечно, не пытались, ибо печальный опыт неосмотрительных монархов прошлого многому научил нынешних повелителей, а потому Сумукдиара попросту предоставили самому себе, обращаясь к нему за помощью лишь в самые трудные времена. Недруги действовали исподтишка, распуская грязные сплетни, будто наследник Ганлыбельских владений не то продался языческим магам-волхвам Белой Рыси, не то спутался с парфянскими чернокнижниками, не то – как ни странно, кто-то верил в такую заведомую галиматю – даже содействует втайне темным колдунам Магриба.

Отвечать клеветникам самолюбивый джадугяр считал ниже собственного достоинства, а вместо этого еще ревностнее служил Ахурамазде, чтобы делами, а не словами побороть козни недоброжелателей. Много времени он проводил за манускриптами, вобравшими тайны древних знаний, и почти не покидал пределов Эмирата, лишь изредка выезжая в соседние страны, чтобы повидаться с друзьями или родичами.

Только однажды он сильно удивил земляков, когда сколотил конную сотню добровольцев из гирканских сорвиголов и присоединился к армии Белой Рыси, направленной в Черные Горы далекой Бактрии. Прослужив два года в гарнизоне Шайтанда, дьявольского города, он из рядовых сотников быстро превратился в минбаши, то есть тысяцкого, а затем воевода Охрим Огарыш пожаловал ему чин, соответствующий парфянскому званию сарханг, или командиру полка. Там, в Бактрии, Сумукдиар крепко подружился со многими рыссами – князьями, волхвами, офицерами и простыми ратниками – и возвратился в родные края, умудренный опытом и с расширенным кругозором...

Внезапно, стряхнув тягостные мысли о минувшем, Сумукдиар тронул уздечку, замедляя резвую иноходь своего коня, поравнялся с Нимдадом и негромко сказал:

– Вот что, брат, здесь наши пути разойдутся. Веди полк в город, а я поверну к себе в Ганлыбель.

– Вряд ли марзабан будет доволен, если вы не приедете вместе с нами, – неуверенно произнес командир гирканцев. – Он может счесть это оскорбительной непочтительностью. Нас ждут. Наверняка горожане подготовили пышную встречу – будет пир, веселье...

– Говоришь, марзабан Эльхан может обидеться? – Волшебник рассмеялся, и усиленный эхом его хохот был столь же мрачен, как и гримаса на лице. – Думаю, что правителя Тахтабада мое отсутствие только осчастливит Ты же зна-

ешь, как сильно сатрапы не любят таких, как я... До встречи, Нимдад!

Он съехал с дороги, уступая следовавшим за ним всадникам, спрыгнул на землю и, держа за узду жеребца аланской породы, направился в сторону моря. Оба – конь и человек, – тяжело нагруженные оружием и припасами, проваливались с каждым шагом в перемешанный с ракушечными панцирями песок. Возле скалы, из-под которой сочилась родниковая струя, Сумукдиар жадно напился, наполнил водой бурдюки и, не дожидаясь, пока разгоряченный конь утолит жажду, медленно зашагал к линии прибоя.

Взбудораженное злым северным ветром Гирканское море бушевало. Увенчанные пенистыми гребешками тяжелые свинцово-серые волны яростно, словно обкутившиеся дурманящего зелья заморские наемники, атаковали берег, швыряя на песок лохматые обрывки водорослей, обломки древесины, оглушенных качкой осетров и севрюг. Освежившись прохладой соленых брызг, Сумукдиар стал возле черты, где угасал натиск набегающих валов, и подставил лицо густому ветру, вдыхая пьянящий аромат моря и с бессильным недоумением взирая на буйство вод.

Ему были подвластны многие силы как этого, так и потустороннего миров, но только не море – грозная бушующая стихия, неиссякающая бездонность магических энергий. Конечно, сконцентрировав свою *говве-а-джаду*, волшебную силу, Сумукдиар мог отогнать воду вдаль от берега

или успокоить неистовство шторма, но даже его сверхъестественного могущества не хватило бы, чтобы долго противостоять своенравию морских демонов. В юности Сумукдиар не раз приходил в бешенство, сознавая собственное бессилие перед мощью бескрайних водных пространств. Однако, став старше и рассудительнее, он понял, что море ему не враждебно. Просто он, посвященный в таинства света, огня и молний, был слишком далек от понимания этой силы, а потому оказался не способен подчинять своей воле мрачную бездну, в глубинах которой беспомощно угасали и свет, и огонь. Чтобы повелевать бунтующим голубым простором, требовалась иная, чем у него, магия и совершенно иной, несравненно более мягкий склад души.

Сумукдиар лелеял надежду однажды встретиться и подружиться с волшебником, которому подвластно море – вдвоем они смогли бы покорить все силы природы. Но только за долгие годы он так и не нашел себе такого друга.

Где-то позади, пробившись сквозь рев урагана, послышалось ржание, но то был голос не его Алмана. Медленно повернув голову, агабек увидел, как с песчаного гребня, спотыкаясь, торопливо спускаются трое. Своих лошадей они оставили наверху, тогда как Алман, обеспокоенный появлением незнакомцев, припустил галопом к хозяину. Впрочем, незнакомца эта тройка была только коню, а Сумукдиар прекрасно их помнил и потому имел все основания для лютой неприяз-

ни к двоим из них. Местные помещики Суби, Удан и Шадад владели землями, окружавшими замок Ганлыбель. Три года назад, когда Сумукдиар отправился в Бактрию, Удан и Суби затеяли тяжбу с его родителями, и тогдашний марзабан при- судил отобрать у семьи Хашбази две деревни, оставив агабе- ков без родовых владений...

– Привет тебе, прославленный джадугяр, – льстиво на- чал, подчеркнуто низко кланяясь, высокий худой старикаш- ка Шадад. – Немыслимо передать словами, как счастливы мы видеть, что ты возвратился с войны живой, невредимый и увенчанный лаврами триумфатора, какие не снились даже величайшим из ромейских полководцев...

Двое других также отвесили земные поклоны и выразили молодому наследнику рода Хашбази Ганлы свои чрезмерные восторги по поводу его благополучного и, главное, исключи- тельно своевременного возвращения. Не удостоив их отве- том, Сумукдиар сел на коня и, глядя сверху вниз, процедил сквозь зубы:

– Я тоже рад встретить тебя, дядюшка Шадад. Хотя не могу сказать, что получаю удовольствие при виде этой пары вонючих шакалов. Судя по их подобострастным рожам, вам требуется помощь. Не так ли?

– Ты прав, дорогой, ты всегда был умным и догадливым мальчиком, – со вздохом признал Шадад. – Нужен чародей, причем очень сильный...

– Я спешу домой, не видел отца целых два месяца.... В

горах живет какой-то колдун, обратитесь к нему.

Снова вздохнув, Шадад поведал, что деревенский колдун способен только чуть-чуть изменять погоду, лечить простолюдинов и другую скотину, а также предсказывать пол младенца. А тут творятся такие ужасные дела, что без Сумукдиара никак не обойтись.

– Когда-то вы, насмехаясь над моим отцом, говорили, что не нуждаетесь в услугах его сына. – В нем снова проснулся Кровавый Паша, пощекотавший шпорами бока Алмана, так что конь едва не наехал на проворно отпрянувших богате-ев. – Помнится, тогда вы долго испражнялись ослоумием...

Вся троица дружно повалилась ничком, и Суби истошно завопил, ломая руки:

– Прости нас, господин, мы не ведали, что творили! Иблис и Анхра-Майнью ослепили нас, лишили рассудка! Поверь: никогда впредь никто в нашей округе не осмелится произнести не то что дурного – даже неуважительного слова в адрес великих повелителей Ганлыбеля!

Удан, самый молодой из них, низкорослый и кривоногий, тоже взмолился, простирая руки к раскаленному небу:

– О агабек, спаси нас от злых чар! Ведь ты же поклялся всегда и всюду сражаться с силами Тьмы...

Дело принимало интересный оборот, и Сумукдиар, добавив холода в голос, равнодушно осведомился, что у них там стряслось. Поспешно оторвав колени от песка, землевладельцы окружили джадугяра и наперебой поведали о жутком

чудовище, которое с недавних пор поселилось в озере, расположенном между деревней Шарур и рощей на берегу реки Сефидруд. Услышав эти названия, Сумукдиар снова расвирепел: Шарур принадлежал еще родителям его. бабушки по материнской линии, но проклятый Суби отсудил это село у Хашбази. А трое вконец обезумевших от страха помещиков продолжали сулить несметные сокровища, если он сумеет избавить округу от безжалостного дэва.

– Вот что, – сказал Сумукдиар строгим голосом. – Ваше поганого золота мне не нужно, а вот те земли и деревни, которые принадлежали родам Хашбази и Ганлы, вы вернете непременно. Ты, Суби, вернешь, мне Шарур, а ты, Удан, вернешь село Ахал.

– Господин, деревня Турагундай тоже станет твоей, – заверил его Шадад. – Только избавь от страшилища.

– Клянись, – невозмутимо потребовал Сумукдиар.

От души наслаждаясь этим мигом торжества, он поднял свой магический жезл, и, когда помещики произносили ритуальные слова, изумруд на кончике жезла ярко вспыхнул.

– Марзабан Эльхан ждет тебя в Шаруре, – сообщил Суби. – Там же оформим все фирманы о возвращении тебе семейных владений. Только, умоляю, поспешим.

Подняв тучу мелкой въедливой пыли – хорошо хоть ветер быстро уносил прочь эту мерзость, – четыре всадника поскакали к деревне. Шумное в обычное время село сегодня словно вымерло – и богатые дома, и саманные лачуги были

закрыты на все запоры, и ни одной живой души не видно было на кривых улочках.

Эльхан, наместник эмира, правивший Тахтабадом, обосновался в хоромах шарурского старосты. Во дворе, обнесенном высоким каменным забором, дежурили полсотни вооруженных копьями и саблями, основательно перепуганных солдат из отряда городской стражи. Кивнув их командиру, которого немного знал – парень был местным и вышел в юзбаши не без протекции агабеков Хашбази, – Сумукдиар вошел в дом. Увидев его, марзабан – немолодой, в меру тучный мужчина в дорогом, расшитом золотыми нитями халате, – бросился навстречу, распахнув объятия. Пришлось ответить тем же.

– А вы все пошли вон! – рявкнул Эльхан, покончив с предначавшейся для публики церемонией теплой дружеской встречи. – Кому сказал – вон! Нам надо переговорить наедине!

– О великий, – пискнул Суби. – Мы передаем агабеку принадлежащие ему по закону владения.

– Да хоть баб своих ему передавайте! – заорал вконец расвирепевший марзабан, хватаясь за эфес сабли. – Чтоб я вас больше не видел!

Соседи-помещики гурьбой кинулись вон и застряли в тесном проходе. Развеселившийся Сумукдиар пинками сапога помог им покинуть комнату и крикнул вслед, чтобы подготовили с помощью писаря – сами-то неграмотные – все необ-

ходимые бумаги. Затем он сел, скрестив ноги, на ковер и обратил взор на правителя.

– Ты не теряешься, – буркнул Эльхан. – Вы с отцом сильно злы на меня за то, что я отклонил ваше прошение?

– Довольно-таки. Догадываюсь, что ты преследовал нас без особого желания и рвения, но ты все-таки подчинился местным мракобесам.

– Время такое, – вздохнул марзабан. – Эти проклятые твари без конца давят на нас... И на эмира тоже, к твоему сведению. Мы слишком долго не решались противиться жрецам кровавого культа, надеясь, что они успокоятся. Мы закрывали глаза, когда они творили свои отвратительные ритуалы в капищах Анхра-Майнью. Мы искренне рассчитывали, что они, расправившись с несчастными хастанцами, удовлетворят свою злобу, однако им нужна абсолютная власть, и темные силы продолжают наступать. Чудовище в озере пробуждено их магией.

– Расскажи подробнее.

Марзабан признался, что знает немного. Чистое и прозрачное некогда озеро превратилось вдруг в мутное зловонное болото, из которого временами появляется ужасный демон, пожирающий людей и скотину, топчущий посевы и требующий подношений в виде золота, драгоценных камней, роскошных ковров и прочих сокровищ. Население окрестных деревень впало в панику, боится покидать свои дома...

– Я послал к озеру сотню стражников с тяжелым оружием,

но стрелы и копья не причинили демону никакого вреда.

«Вернее, сказать: *почти* никакого», – мысленно уточнил Сумукдиар, но вслух произнес другое:

– Естественно. А что случилось с солдатами?

Вздохнув, Эльхан ответил, что из всего отряда вернулся лишь один солдат, который кое-как рассказал о побоище и вскоре помер от неизвестной, но ужасно мучительной болезни. Сумукдиар понимающе кивнул и сказал, что хотел бы поговорить со здешним колдуном. Марзабан, приоткрыв дверь, отдал какое-то невнятное приказание. Спустя минуту вошел небогато одетый крепкий еще старик – высокий, худой и жилистый. Вокруг его головы слабо светилось хварно – божественное сияние, свойственное лишь истинным чародеям и видимое лишь при помощи магического зрения.

– Салам алейкум, агабек Сумукдиар. – Старик церемонно поклонился.

– Алейкум ассалам, дедушка. Прости, я не знаю твоего имени.

– Нам, слабым колдунам низкого звания, опасно называть свое настоящее имя. В округе меня называют Ак-Годжа – Седой Старец.

– Неважно. – Сумукдиар усмехнулся. – Что известно тебе о демоне, который поселился в озере?

Узнать мнение этого старика было бы небезынтересно. Волшебники старших рангов мастерства, овладевшие высшими ступенями магии, поневоле занимались глобальными

проблемищами, постепенно удаляясь от мелких будничных забот. В то же время простые деревенские колдуны были близки к природе и могли знать множество важных мелочей, ускользящих от взгляда гроссмейстеров чародейского дела.

Степенно разгладив длинную седую бороду, Ах-Годжа пошевелил губами, неслышно произнося охранительные заклинания, и лишь после этого сказал:

– В последнее время Магриб непрерывно насыляет на наши земли злых духов и по всему Востоку подняли голову самые темные силы...

– Я знаю, – кивнул Сумукдиар.

– Трудно не заметить этого... Так вот. Силы Зла стали достаточно могущественными, овладели многими душами, больше того – в своих берлогах пробуждаются страшные демоны, побежденные светлыми богами в давние времена... – Он замешкался, а потом, не продолжая прерванной фразы, сказал: – В озере поселился Су-Эшшеги, водяной ишак.

– Дэв? – Джадугяр недоверчиво поднял бровь.

– Нет, это не дэв, – Ак-Годжа решительно замотал головой. – Су-Эшшеги страшнее. Он похож на дракона и буквально источает смерть и злобу.

Сумукдиар задумчиво побарабанил пальцами по столу, поглядывая исподлобья то на старавшегося держаться спокойно колдуна, то на заметно перепуганного марзабана. Демоны, которых в народе называли водяными ишаками, были, конечно, противниками не слишком приятными, но и не

слишком страшными. Для сильного волшебника, разумеется. Кстати, рыссы называли этих тварей *ящерами*.

Чародей поднялся, сказав:

– Проводишь меня к озеру?

– Конечно, – быстро, чуть ли не в один голос ответили Эльхан и Ак-Годжа.

Вообще-то Сумукдиар обращался только к деревенскому колдуну, однако присутствие на поле боя правителя тоже не помешало бы. Что ж, марзабан оказался храбрее, чем можно было предполагать. Хотя, если верить слухам, лет двадцать назад он был отважным воином....

Во дворе их встретили настороженно ожидавшие старейшины. Удан протянул дарственную на три деревни, и Эльхан не глядя подписался и приложил печать. Засунув футляр со свитком пергамента во внутренний карман плаща, джадугяр вложил ногу в стремя и вспрыгнул в седло. Алман коротко заржал.

– Ты берешь дарственную с собой? – удивленно проблеял Суби. – Но вдруг ты... вдруг с тобой что-нибудь случится?

– Тогда и с бумагой «случится» то же самое, – хохотнул Сумукдиар. – Паша-Эльхан, отправь гонца в Ганлыбель – пусть предупредит отца, чтобы не беспокоился.

– Ты уверен в себе, это успокаивает. – Марзабан через силу выдавил из себя улыбку. – Гасан, скачи в Ганлыбель. Юзбаши Саттар, прикажи отряду следовать за нами.

Кавалькада запылила в сторону озера. Предстоящая

схватка не слишком тревожила Сумукдиара. Избрав своим поприщем военное колдовство, он непрестанно занимался поиском волшебного оружия, которое в больших количествах рассеялось по земле в отдаленную эпоху, когда беззаботные античные боги ретиво выясняли между собой родственные отношения. В замке у него скопилась прекрасная коллекция предметов, принадлежавших прежде высшим духам Эллады, Хиндустана, Фаластына и, конечно, Средиморья. Отправляясь на хастанскую войну, он надел волшебные доспехи и подпоясался мечом, которыми тысячу лет назад пользовался олимпийский бог войны Арес. Сейчас этого оружия было вполне достаточно, чтобы зарубить тупого и неповоротливого водяного ишака.

На холме, в трех сотнях шагов от озера, Сумукдиар велел спутникам остановиться, а сам поскакал вперед. Приближаясь к водоему, он ощутил своим внутренним, магическим восприятием нарастающее отвращение – здесь действительно обитала какая-то мерзость, порожденная мрачной магией Иблиса, демона Тьмы и Зла. Замедлив бег коня, Сумукдиар снял и опустил в седельную сумку роскошную парадную чалму, а вместо нее надел шлем с забралом, выточенным из прозрачного кристалла. Затем сбросил на землю мешки, бурдюки и прочую неуместную в бою поклажу, перекинул щит со спины на левую руку, выхватил меч из ножен и только после этого легонько щекотнул шпорами бока Алмана.

Круглое, около двухсот шагов в поперечнике, озеро бы-

ло окружено высокими скалистыми утесами, торчавшими из песка, словно клыки дракона. Сохранилась легенда, будто именно здесь бог огня Атар, сын Ахурамазды, убил трехглавого дракона Дахану. Тот самый Атар, давший свое огненное имя Атарпадану, стране огней. Впрочем, рыссы уверяли, что дракона поразил их бог-громовержец Перун, а фаластынские иудеи – что бог Яхве убил огромным громовым мечом ужасного змея Ливийатана. И уж, конечно, жрецы каждого племени были убеждены (и убеждали в том остальных), что событие сие случилось именно в их землях! Как ни странно, Сумукдиар постепенно склонялся к мысли, что все они правы, но в то же время ошибаются в главном. Полное понимание тех давних битв между богами и демонами еще не снизошло на молодого джадугяра, но было совершенно очевидно, что мир этот устроен куда сложнее, нежели об этом говорится в манускриптах летописцев древности.

Отогнав посторонние мысли, Сумукдиар собрал говве-аджаду в плотный сгусток – *джаман*, которым ударил по вершине самого высокого утеса. Острый кусок скалы, отломившись, шумно рухнул в мутную болотную жижу. Из взбурдаженной трясины вырвались булькающие пузыри горячего газа, по поверхности разбежались кольцами волны, однако чудовище – чем или кем бы оно ни было – не спешило появляться. Видимо, Су-Эшшеги опасался встречаться с джадугяром и трусливо забился в какую-нибудь щель на дне трясины.

Тогда Сумукдиар переместил джаман повыше и слегка расплющил, превратив в подобие линзы, направившей лучи стоявшего в зените солнца на логовище водяного ишака. Собравшись ослепительным жгутом, солнечный свет вонзился в болото, и эта огненно-сверкавшая колонна принялась кружиться, перемешивая и превращая в пар вонючую жидкость. Теперь скрывавшейся в глубине твари не оставалось ничего иного, кроме как вылезти на берег и принять бой.

Громко визжа, Су-Эшшеги высунул из озера зубастую пасть, а потом и всю похожую на крокодилью башку и нацелил мутный взгляд на стоявших в полусотне шагов коня и всадника. Сумукдиар торопливо изменил направление бывшего с неба светового копья, и оно ударило по чудовищу. Завопив от нестерпимой боли, Су-Эшшеги нырнул, но затем голова снова показалась над водой, приближаясь к берегу. На мелком месте водяной ишак стал виден весь – раздутое тело бегемота, козлиные ноги с раздвоенными копытами. Не дожидаясь, пока тварь приготовится к схватке, джадугяр подтянул поближе к себе свернутый в тугой шар джаман и пришпорил коня.

Он налетел на творение злых сил, загородившись щитом, и обрушил меч Ареса на толстую, прикрытую шипастой броней шею. Заколдованный клинок эллинского бога вошел в магическую плоть как раскаленный нож в мягкую глину. Отсеченная голова Су-Эшшеги покатила по песку, а туловище задергалось в конвульсиях, извиваясь и постепенно зати-

хая.

Победа досталась так легко и просто, что даже не принесла удовлетворения. Сумукдиар вновь закинул щит за спину, спрятал в ножны меч, к лезвию которого не пристало ни капельки демоновой крови, и взмахнул рукой. Повинуясь движению его кисти, отрубленная голова, плавно взлетев в воздух, описала дугу и опустилась в подставленную джадугаром сумку. Черепу Су-Эшшеги предстояло украшать стену одного из залов Ганлыбея. С холмов, где остались зрители, звучали восторженные вопли.

Можно было возвращаться, но Сумукдиар имел обыкновение доводить любое дело до конца, а потому не мог оставить в нынешнем состоянии это озеро, буквально пропитанное злыми чарами. Он опять развернул джаман в виде линзы и тщательно испарил ослепительным лучом всю грязную жидкость. Столб света сверкал ярче тысячи солнц, однако прозрачный щиток шлема надежно защищал глаза от нестерпимого блеска. Когда впадина водоема полностью очистилась от жидкости, Сумукдиар выжег огненным жгутом всю тину со дна и только после этого убрал говве-а-джаду. Теперь ручейки и дожди постепенно заполнят озеро чистой водой, а темные силы не скоро осмелятся навещать эти места.

Он медленно поехал в сторону ожидавших его марзабана со свитой и равнодушно принял поздравления и заверения в вечной признательности. Столь быстро и без осложне-

ний достигнутый успех трудно было воспринимать всерьез – обычная драка на большой дороге, не более того. Он молча кивал в ответ, а затем, отпустив поводья, позволил Алману неторопливо скакать к дому. Рядом с ним, оставив позади отряд стражников, ехали Эльхан и Ак-Годжа.

После затянувшегося молчания деревенский колдун сказал негромко:

– Зло ослаблено, но не уничтожено.

– Чего же ты хочешь?! – взорвался марзабан. – Чтобы я закрыл в Тахтабаде все капища Анхра-Майнью или запретил устраивать шабаши в честь Иблиса? Дедеркинские жрецы и колдуны мигом натравят на меня чернь, и это будет погром с резней пострашнее прошлогоднего!

– У нас есть Гирканский полк, – напомнил Сумукдиар. – И вдобавок хорошие друзья в Тайной Страже.

– А у них есть очень влиятельные покровители, – пробурчал Эльхан. – И здесь, и, что хуже, в Акабе.

Ак-Годжа, сокрушенно покачав головой, заметил:

– Их могущество заключено отнюдь не в столичных дельцах, но в силах, бороться с которыми не способен даже самый лучший конный или пехотный отряд. Темную тучу направили на Восток злые колдуны Магриба, и колдовство это разбудило Хызра.

Услыхав это имя, Эльхан испуганно вскрикнул, но Сумукдиар произнес равнодушным скучающим голосом:

– Ты ошибаешься, Седой. Хызр, погонщик дракона Даха-

ны, был повержен Атаром и погружен в вечный сон.

Впрочем, сказав это, джадугяр тут же усомнился в собственной правоте. В последнее время он частенько чувствовал присутствие исключительно сильного злого демона, каковым вполне мог оказаться печально прославившийся Хызр, хотя в такой оборот событий очень не хотелось верить.

Колдун настойчиво повторил:

– Хызр проснулся этой весной. Он вернулся в наш мир, и сегодня он правит всеми темными силами Средиморья.

– Значит, придется с ним повидаться, – резюмировал Сумукдиар. – Дело привычное, много времени он у меня не отнимет.

– Да уж, встретиться вам придется, – печально подтвердил Ак-Годжа. – Причем гораздо раньше, чем ты полагаешь. Первым делом он попытается перебить одного за другим всех главных волшебников: тебя, Салгонадада, Аламазана, тигранакертского мага Агафангела, саспира Серапиона...

– Пусть поторопится, – со зловещей угрозой в голосе произнес Сумукдиар. – Я готов.

Разговор закончился: отряд достиг развилки, где агабеку предстояло повернуть к Ганлыбелю. Задержав коня, он шепнул Эльхану:

– Если решишься закрыть храмы темного культа, я тебе помогу.

– Я бы хоть сейчас начал, – тоже негромко ответил мар-

забан. – Но на следующий же день эмира заставят прислать на мое место нового, более покладистого сатрапа. Будешь в Акабе – поговори об этом с Салгонададом. Медлить больше нельзя.

– Ну смотри сам. – Сумукдиар пожал плечами. – Они могут начать первыми, и тогда ты потеряешь не только должность, но и голову... А в Акабу я попаду не скоро.

– Завтра же отправишься, – натянуто улыбнувшись, заверил его правитель. – У меня точные сведения... Ну, в добрый путь – *худаафиз*.

– Худаафиз, – удивленно попрощался агабек и погнал Алмана к скалам, за которыми стоял его замок.

Окруженный толстой и высокой, в два человеческих роста, каменной стеной, Ганлыбель был выстроен на плоской вершине холма. За стенами, заслоняя купола и башенки дворца, колыхались раскачиваемые ветром кроны кипарисов. У главных ворот замка нетерпеливо расхаживали несколько фигур, на одной из которых Сумукдиар различил синий плащ отца.

Он спрыгнул с коня возле ворот и сразу попал в крепкие объятия старого Друида Хашбази. Челядь чинно выстроилась в сторонке, и лишь старший нукер Асархаддон приблизился с поклоном, чтобы поздравить молодого хозяина с благополучным возвращением.

Отец, покосившись на слугу, сказал с напускной строго-

стью:

– Займись обедом, Асар. Будем пировать... – и, обернувшись к сыну, добавил: – Ты сядешь за стол сразу или?..

– Сначала медитация.

Отдав Алмана конюху, он, поддерживая под локоть отца, вошел в дом. Старый дом, где появлялись на свет, жили, старились и уходили в мир теней многие поколения агабеков Ганлы. Дом, где не принято было различать людей по племени, где веками перемешивалась кровь гирканцев, парфян, магов, загроэламцев, а три десятилетия назад в него вошел Друид Хашбази – полуалан, полухастанец, носивший почему-то кельтское имя и парфянское родовое прозвище. Впрочем, сейчас, когда Хастания вдруг сделалась злейшим врагом Атарпадана, отец благоразумно объявил, что от самого рождения был чистокровным аланом. Правители Тахтабада и Акабы, помня о заслугах старика, всю жизнь строившего мосты, дворцы, крепости и водопроводы по всему эмирату, оставили Друида в покое, не вспоминая о примеси «вражеской» крови в его жилах.

Тридцать лет назад от брака последней наследницы древнего рода Ганлы и немолодого уже зодчего Хашбази родился мальчик Сумук, в раннем детстве поразивший жрецов яркостью ореола хварно. В том призрачном потустороннем мире, где обитала его Тень, сказали бы: генетические мутации стимулировали экстрасенсорную способность – там любят затуманивать ясную суть непонятными словами. Ни при чем тут

мудреные слова – просто боги отметили его при рождении, дозволив постигнуть великое искусство магии.

Сумукдиар открыл дверь комнаты, куда не смел заглядывать ни один из обитателей Ганлыбея – здесь были собраны все его магические талисманы. Он осторожно и любовно разложил по местам грозное копье олимпийской богини Афины Паллады и панцирь кельтского бога войны Белатукадора, повесил на стену принадлежавшие некогда Аресу двуручный меч и рогатый шлем с прозрачным забралом. Еще одно движение – и щит занял место рядом с мечом. Предмет этот, не раз спасавший Сумукдиара в самых страшных переделках, вызывал у агабека некоторую тревогу. Щит явно содержал грозное волшебство, и не возникало сомнений, что когда-то он принадлежал кому-то из древних богов. Но кому именно – эллину Аресу, его ромейскому близнецу Марсу, Белатукадору или кельтской же богине-воительнице Белисаме? Умные люди не раз по-хорошему советовали Сумукдиару меньше ломать голову над такими высокими материями. Возможно, они были правы.

Джадугяр со вздохом отвернулся от щита и медленно приблизился к огромному шару, продавившему своей тяжестью массивный гранитный постамент. Он повел рукой, и верхняя половинка шара взмыла в воздух, открывая вход. Сумукдиар сделал четыре шага и сел в кресло, которое словно ждало его возвращения. Эту камеру для медитаций он собственноручно вырастил из скорлупы драконьего яйца и старался про-

водить в ней каждый свободный миг, обновляя и наращивая свою говве-а-джаду. Крышка мягко опустилась, отсекая джадугяра от внешнего мира со всей его суетой, войнами, интригами, погромами, голодом, болью, изменами, битвами за власть и прочими несправедливостями.

В бледном сиянии, скудно источаемом внутренними стенами шара, заструились потоки всепроникающих магических сил, насквозь пронизывающих Вселенную. Расслабившись, гирканец впитывал энергию, прогонявшую усталость и сомнения, дарившую бодрость, уверенность, радостное ожидание. Он словно воспринимал цельную картину бескрайнего мира, раздираемого сражениями и любовью, мятежами и примирениями, ненавистью и трудом, гневом и надеждой, алчностью и жадной познания. Он попытался коснуться хварно Ахурамазды, но вновь, как это неумолимо случалось в последние годы, не нашел своего покровителя: похоже было, что бог Света забыл или покинул людей. Сумукдиар отчаянно искал наугад, но встречал только развалины былых храмов, снова и снова убеждаясь: потусторонние силы заняты собственной борьбой, им нет сегодня дела до смертных с их ничтожными страстями и пожеланиями.

Он резко встал, и драконье яйцо покорно распахнулось, выпуская человека – он все-таки был человеком – в мир привычных образов и явлений. За дверью ждал верный старый Асархаддон, проводивший Сумукдиара в трапезную, где был

накрыт стол для двоих Хашбази. Отец уже сидел на обычном своем месте, нетерпеливо позвякивая серебряным ножом по фарфоровому ободу привезенного из-за моря блюда. Теперь они обычно обедали вдвоем – мать умерла при неясных обстоятельствах, когда Сумукдиар сражался в Бактрии, и джадугяр подозревал, что таким образом Магриб отомстил ему за умиротворение Шайтанда. Что ж, когда-нибудь магрибским колдунам воздастся и за это изуверство...

– Садись, Сумук, – сказал Друид. – Теперь мы прозябаем, но смогли приготовить все то, что ты любишь.

– Спасибо, папа. Скоро заживем веселее, я вернул наши две деревни и еще одну сверх того. – Он протянул старому Хашбази бумагу с печатью и подписью марзабана. – Я тут, понимаешь, одного дохленького демона по дороге прикончил – вот Эльхан меня и отблагодарил.

Отец не без восторженного удивления прочитал долгожданный документ, недоуменно покачал головой, заметив: дескать, своей почти полувековой безупречной службой во славу Атарпадана он заслужил лишь право не быть убитым во время погрома, тогда как сын его, проводивший годы в сражениях или за чтением заумных книг, добивается желаемого одним взмахом меча.

– Меч всегда ценился выше, чем циркуль инженера, – со вздохом признал Сумукдиар. – Не переживай, папа, мы еще рассчитаемся с нашими врагами и обидчиками. Я не приучен забывать зла – во всех его видах.

Безнадежно махнув ладонью, Друид проворчал: мол, меньше всего озабочен мстью. Младший Хашбази, покивав, отрезал себе солидных размеров кусок остывшей тушеной ляжки бегемота, нашпигованной чесноком. Отец мрачно наблюдал, с каким аппетитом сын двигает челюстями, потом вдруг спросил угрюмо:

– Сколько *наших* ты убил?

– *Наших*? – Сумук невинно поднял брови, имитируя недоумение. – Каких еще «наших»? Мы с тобой, как известно, аланы... – Затем, отложив вилку, буркнул: – Я никого не убивал – убивали солдаты.

Сокрушенно качнув головой, отец яростно выдохнул:

– Ну почему же снова вспыхнуло это проклятое братоубийство? – Разгорячившись, он начал слегка заикаться. – Что за глупость это позорное деление людей на трижды проклятые племена и народы! Все люди одинаковы, и у каждого племени есть свои подлецы и есть свои герои – дураку же ясно!

– Именно дуракам это и не ясно, – процедил в ответ Сумукдиар. – И поэтому по обе стороны границы именно дураки вопят во всю глотку: «Арзуан – наша земля!» Идиоты...

Отец презрительно фыркнул и продолжал с прежней запальчивостью, при этом он с типично средиморским темпераментом размахивал руками:

– До чего же глупы эти слова: «наша земля»! Земля эта была до нас и будет после... Не земля принадлежит людям,

но мы принадлежим земле. И, что характерно, громче всех голоса о «нашей земле» как раз-таки те, кто ни единого дня на этой земле не жил, никогда эту землю не обрабатывал, но, напротив, проводил все дни в разнузданных развлечениях в своих роскошных дворцах! Подлецы и бездельники, никчемные уроды!.. Какая такая может быть «нация», если здесь исконно жили по соседству десятки и сотни племен? Ведь даже в двух соседних деревнях люди разговаривают на разных языках! Ведь эти племена всегда жили здесь и почти никогда не враждовали. А теперь некоторые особо рьяные «патриоты» готовы стать на четвереньки, чтобы заглянуть в поисках врага под собственную кровать... Только, вот беда, ставший на четвереньки теряет человеческий облик, окончательно превращаясь в животное... – Он стукнул кулаком по столу так, что зазвенели тарелки, и пробормотал сокрушенно: – О великий Ахурамазда, что случилось с людьми?..

К сожалению, вопрос этот, заданный отцом чисто риторически, имел вполне конкретный ответ, и Сумук прекрасно понимал, что же случилось с народами Средиморья. Он немногословно поведал о темном колдовстве, насылаемом злобными чародеями Магриба – то есть Запада, – колдовстве, которое разжигает рознь и ненависть, которое заставляет мирных людей забыть былую дружбу и превращает могущественные империи в легкую добычу для коварных завоевателей...

– Магриб, опять Магриб! – яростно вскричал Друид Хаш-

бази. – Казалось бы, Джуга-Шах выжег каленым железом это змеиное гнездо, но проклятые слуги Иблиса снова восстали из пепла, и снова мирный Восток стоит у них как кость поперек ненасытной глотки... – Он поднял на сына пылающий взгляд и произнес неожиданно жалобным голосом: – Сумук, люди не должны жить ненавистью. Сделай хоть что-нибудь, ведь ты великий джадугяр.

Опустив глаза, Сумукдиар покачал головой:

– Увы, тут моя магия бессильна. Я посвящен богу Света и поэтому стал всего лишь воином. Я могу разрушать и убивать, могу и строить, хотя созидание дается мне трудно. Но переделать души людей – мне, папа, не по силам. Думаю, на это не способен никто из ныне живущих волшебников. Даже такие гиганты, как Светобор или Агафангел.

Отец выслушал его, удивленно подняв брови, лицо старика выражало крайнюю степень разочарования. После задумчивого молчания Друид заметил: дескать, он надеялся, что сын его всемогущ... Сумукдиар виновато развел руками и добавил:

– Всемогущими не были даже олимпийские боги, что же говорить о рожденных людьми магах... Только все вместе, да еще заручившись поддержкой большей части людей, мы сумеем снять злые чары.

Главная истина, которую должен постигнуть каждый джадугяр, проста, хоть и неутешительна: говве-а-джаду не рождает новые предметы или силы, но лишь управляет суще-

ствующими. Потому и боги вынуждены бороться за души людей, чтобы затем, овладев помыслами огромных масс, творить желаемое. К сожалению, идеи Зла прокладывают себе путь быстрее и проще, нежели прекрасные, но несколько туманные принципы Света и Добра... Впрочем, не стоило посвящать отца в такие дебри магических теорий.

Они молча доели холодные закуски, затем управились с шашлыком из севрюги, запивая горячие куски белым вином из винограда «шахского» сорта. Наконец, насытившись, но не в силах оторваться от деликатесов, Сумукдиар, отдуваясь, нанес на пласт лаваша тонкий слой буйволиного масла, густо намазал сверху черную икру, свернул лаваш трубочкой и решительно откусил. Одобрительно наблюдавший за его манипуляциями отец сказал, улыбаясь:

– Тебе давно пора жениться.

Разговор был старый, привычно безнадежный и обычно безрезультатный, так что эта тема стала обязательной во всех неторопливых беседах мужчин из рода Хашбази. Сумукдиар привычно ответил, не задумываясь:

– Кто же спорит. Только не думай, что хорошие невесты сейчас на улице валяются.

– Которые валяются на улице – нам не подходят, – со смешком сообщил Друид. – И танцовщицы тоже не подходят.

– На танцовщицах никто жениться не собирается!

– Надеюсь. А вообще-то поторопись. Староват я стал, ма-

ло осталось. Внуков хочу понянчить... Вот братец твой народил двоих и увез.

Сумукдиар понимал, что отец прав, но девицы Средиморья были все как на подбор особами весьма скучными и ограниченными. Впрочем, он не потерял надежды встретить однажды близкое к идеалу очаровательное существо – ту, которая стала бы единственной желанной подругой на всю жизнь.

А отец тем временем вернулся к прежней теме и спросил осторожно:

– Ты уверен, что не ошибся, когда возглавил армию против хастанцев?

– Это было необходимо, папа, – с мягкой настойчивостью ответил Сумукдиар. – Надвигаются грозные события, и нашим войскам нужно срочно набираться опыта. Сюэни разгромили Хиндустанское царство, без труда прошли через земли алпамышей и каракызов. Бикестан тоже не остановит Орду. Возможно, солдатам Средиморья придется принять бой уже в этом году, а мы и воевать толком не умеем.

– При чем же здесь война между Атарпаданом и Хастанией? – недоуменно спросил отец. – Не воевать надо, а примирить оба народа.

– Примирить этих фанатиков? – Волшебник скептически фыркнул. – Это удалось только Джуга-Шаху, а я не обладаю его талантами. И никто сегодня не обладает, потому что тогда люди верили в Единого бога и эта вера объединяла... Моя цель скромнее – найти тактику, которая позволит опро-

кинуть якобы непобедимых сюэней... – Он ухмыльнулся. – Не надо сомневаться и покачивать головой – я смогу это сделать. Помнишь, я рассказывал тебе про бой в Долине Шести Львов? Тогда магрибцы сделали все правильно и должны были разбить нас, но моя тактика оказалась лучше...

Он прикрыл глаза; и перед его мысленным взором, пробудив сентиментальное чувство, снова предстала окруженная Кушанским хребтом долина, вдоль которой рвались к Сарыгару банды Гуль-Ахмада. Магрибские советники долго и тщательно готовили это наступление, но в решающий миг дюжина огнедышащих драконов и две сотни лучников, переброшенные через считавшийся непреодолимым перевал, обрушились на фланг басмачей. Тогда рядом с ним сражались молодые сотники Нимдад, Златогор, Фавитос, Ибер... Гирканцы, рыссы, саспиры, хастанцы, аланы дрались в едином строю и добились блестящей победы. А две недели назад Гирканский полк сарханга Нимдада встретился в смертельной сече с Тигранакертским полком хмбабета Фавитоса!

Тряхнув головой, он прогнал эти мысли и, встав, сказал:

– Прости, папа, мне надо отдохнуть. Завалюсь и буду спать до полудня.

– Скорее Иблис будет спать, чем ты, – хохотнул отец. – Письмо из Акабы пришло – твой дружок Шамшиадад нижайше просит уважаемого джадугяра прибыть к обеду в Самшитовый Замок.

Ого! В Самшитовом замке размещался штаб мухабарата

– Тайной Стражи эмирата.

– А ведь Эльхан тоже намекал, что меня в столицу вызывают, – вспомнил вдруг Сумукдиар. – Что им там от меня вдруг понадобилось? Неужели драконы яйца снесли?

Поцеловав отца, он поплелся в свои покои на втором этаже ганлыбельского дворца. Мысли текли с вязкой медлительностью, как шаги, которые он делал, натужно переставляя уставшие ноги.

Войны случались непрестанно, однако каждая новая не походила на предыдущие. Стратегия и тактика неуклонно менялись век от века по каким-то труднопостижимым законам военного дела, и требовалось предугадать, какие приемы станут главными в грядущих битвах. Военная наука жила и свирепела, как дикий зверь, оттачивающий свое смертоносное мастерство в схватках с лесными соперниками.

Несокрушимая фаланга величайшего полководца Эллады двурогого Аль-Искендера завоевала полмира, но была разбита стремительными маневрами ромейских легионов. Спустя два столетия таранный удар тяжелой парфянской конницы опрокинул легионы, и парсы раздвинули свою империю до самых границ Хиндустана. Но вот появилась Орда – и вся прежняя тактика стала неприменимой, а сюэни победоносно громят армию за армией, царство за царством.

В боях за Арзуан Сумукдиар действовал так, словно против него стояли не плохо вооруженные хастанские ополчен-

цы, но закаленные в битвах кочевники. Получалось недурно, только победил он все-таки хастанцев, а не сюэней. Кто его знает, как повернется дело, когда объединенная армия Средиморья атакует Орду на другом берегу Гирканского моря.

Он захлопнул дверь, разделся, раскидав платье по углам, но ложиться не стал. Под черепом неуклюже ворочалось смутное беспокойство, напоминавшее о каком-то вопросе, который он сегодня так и не решил до конца. Отогнав усталость, Сумукдиар подошел к полкам, прогибавшимся под тяжестью фолиантов, одетых в неподвластные времени переплеты. В старой книге «Описание демонов», составленной неведомым хималайским мудрецом, он отыскал ключ к возникшей сегодня загадке.

Под картинкой, изображавшей тварь, очень похожую на Су-Эшшеги, говорилось, что Ящер, он же Речной или Болотный Дракон, он же (следовало еще два десятка имен), распространяет флюиды зла, которые могут вселиться в человека с глотком воды. Вселившись, они делают свою жертву одержимой манией убийства. Излагалась также легенда, будто бы все великие тираны, пролившие реки крови, испили когда-то такой «нечистой воды».

Перевернув еще несколько страниц, Сумукдиар наткнулся на другое имя, которое ему довелось услышать в этот день. Хызр. Запись оказалась столь любопытной, что агабек перечитал страницу трижды:

«Но все злодеяния этих порождений Тьмы представляют-

ся детским лепетом в сравнении с фигурой верховного демона – Хызра, обитающего чуть ли не на вершине горы Шахдаг, что в Северной Парфии, – писал хималаец. – Большую часть времени он пребывает в абсолютном покое, но в конце каждого столетия пробуждается и выбирается на волю. Хызр несет с собой помутнение рассудка, каждое его пришествие ознаменовано рождением огромного числа уродов, появлением на улицах городов «темного народа», который, побираясь и подворовывая, несет с собой смертоносный дух».

Захлопнув древнюю книгу, он задумчиво погладил ладонью инкрустированный серебром и жемчугом кожаный переплет. Слова, нанесенные на листы пергамента в позапрошлом тысячелетии, слишком уж точно описывали происходивший ныне ужас. Нет, Сумук не был напуган, но он смутился, а это случалось с ним не часто.

Глава 2

ГОРОД ТЕНЕЙ

Утром, сразу после завтрака, Сумукдиар попытался связаться со столичными друзьями. После долгого чтения заклинаний это удалось: в дрожащих лепестках пламени появилось заспанное лицо Верховного Джадугяра (он же великий визирь) Салгонадада.

– Почему тебе не спится? – недовольным голосом, но, в общем, беззлобно осведомился Салгонадад. – Что стряслось?

– Учитель, я только что вернулся из похода и вдруг узнаю, что Шамши вызывает меня в Акабу. Хотелось бы узнать, к чему такая спешка.

Криво усмехнувшись, визирь отпил из небольшого позолоченного рога и сказал:

– Подобные вопросы следовало бы адресовать моему племяннику. Могу лишь догадываться, что тебе предстоит... – Он снова ухмыльнулся. – ...многодневный полет над морскими волнами.

– Понятно...

Сумукдиар произнес это короткое парфянское слово с явным облегчением, поскольку в глубине души до последнего момента опасался худшего. Внезапные вызовы зачастую

чреваты дурными выходками дурных правителей.

– Когда возвратишься в Акабу, зайди ко мне.

– Когда вернусь в Акабу из Ганлыбеля? – прикинулся непонятливым Сумукдиар.

Салгонадад погрозил ему пальцем:

– Нет, когда вернешься из... из полета. Тогда нам будет о чем побеседовать – долго и обстоятельно. – Главный волшебник эмирата помолчал, словно раздумывая. – Могу добавить, что во дворце довольны тобой.

– Еще бы.

Попрощавшись, он погасил огонь и, чертыхаясь вполголоса, пошел собираться в дорогу. Любимая серебристая чалма с зеленым камнем во лбу, оранжевая рубаша и багровые шаровары из тонкой заморской ткани, черный кушак, мягкие сапоги красноватой кожи. За пояс он засунул кинжал в богатых ножнах, какие куют лишь знаменитые златокузнецы-леги, живущие высоко в Гирдыманских горах. Меч Ареса и остальное магическое оружие из своей коллекции брать не стал – несолидно, не на войну отправлялся. Получалось все равно, что надеть шубу в бане. Поразмыслив, джадугяр повесил на бок старую саблю, которая служила ему в Шайтанде и Долине Шести Львов. На плечи Сумук накинул красный плащ, украшенный символами Ахурамазды – золотистыми звездами с загнутыми крючковатыми остриями лучей.

Он уже был готов отправляться, но пришлось задержать отъезд: у ворот Ганлыбеля собралась толпа крестьян из воз-

вращенных вчера деревень. Подобострастно отбивая глубокие поклоны, старейшины-аксакалы витиевато умоляли новых повелителей не слишком притеснять чабанов и земледельцев, а попросту говоря отбирать в оброк не больше половины урожая и не больше тридцати баранов и коз с каждой сотни. Сценка эта живо напомнила Сумукдиару случай из армейского прошлого, когда его сотня, вступив в Бактрию, двигалась через долину Шаланг к столице, городу Хабур. На переправе через полупересохшую речушку навстречу колонне вышли такие же оборванные старики, заверявшие «завоевателей», что жители деревни готовы отдать им весь скот, всех девушек – лишь бы грозные рыссы сохранили жизнь остальным. Командовавший авангардом белоярский воевода долго и безуспешно пытался втолковать несчастным бактрийцам, что идут не завоеватели, а друзья, которые вовсе не собираются истреблять мирных декхан...

На этот раз агабек не имел ни желания, ни времени на долгие объяснения, а потому сказал просто и ясно:

– Будете отдавать в замок пятую часть урожая и пять барашков с сотни.

Топот конских копыт заглушил радостные вопли крестьян. Ухмыляясь, отец и сын Хашбази выехали на дорогу и погнали скакунов на север, к развалинам древнего города Изирту.

Вокруг, насколько достигал взгляд, от гор до моря растянулась выжженная солнцем унылая каменистая равнина,

поросшая колючим красноватым кустарником. «А ведь плодороднейшие земли, – машинально подумал Сумукдиар. – Если проложить канал и пустить сюда воду с горных ледников... Эх, сколько же сил – собственных и сверхъестественных – пришлось потратить предкам, чтобы превратить эти места в безжизненную пустыню!»

Его мысль была прервана появлением отряда всадников. Ладонь привычно скользнула на эфес сабли, но тут же разжалась – во главе мчавшихся наперерез воинов скакал сарханг Нимдад.

Приблизившись к агабекам, командир Гирканского полка церемонно приветствовал властителей Ганлыбеля, после чего произнес укоризненно:

– Паша-Сумукдиар, как вы могли отправиться в столь дальний и опасный путь без надежного конвоя? В пустыне бродят разбойничьи шайки, в лесу поселился злой демон Ангурды, в песках скрываются дэвы, а среди руин города призраков Изирту все чаще мелькают тени шайтанов и оборотней-гульябанов. Я настаиваю, чтобы вы взяли с собой сопровождающих, и потому привел десять лучших бойцов, самых бесстрашных копыеносцев.

Слова его исходили, несомненно, от чистого сердца, но только джадугяр не нуждался в охране. И вообще вовсе не следовало посторонним видеть, к *каким* силам обращается за помощью агабек Хашбази Ганлы. Поэтому, тепло поблагодарив сарханга за дружбу и заботу, он туманно намекнул,

что не будет двое суток скакать через горы, леса и пустыню, поскольку намерен воспользоваться неким магическим приемом, который мгновенно перенесет его в столицу. Нимдад от удивления разинул рот, однако ничего не сказал, а лишь смущенно попросил прощения и отослал жестом своих солдат.

– У меня к вам вопрос, паша, – проговорил он неуверенно. – Я долго думал над теми странными маневрами, которые совершал в Арзуане по вашим приказам...

– И до чего додумался?

– По-моему, вы предвидите большую войну и готовитесь к ней. Только в бою с огромной армией важно нарушить связь между вражескими отрядами.

– Правильно мыслишь. – Сумукдиар одобрительно подмигнул.

– Простите, агабек, но вы напрасно не сообщили нам смысл новой тактики. Если воины понимают потайной замысел полководца, они сражаются вдвое, втрое лучше.

– Думаешь, наши солдаты и офицеры смогли бы усвоить этот замысел?

– Наши смогут. Не обижайте нас недоверием, паша. Это ведь гирканцы, а не безмозглые качкыны.

Джадугяр оценивающе поглядел на Нимдада и спросил:

– Как по-твоему, к войне с каким противником я вас готовил?

Вопрос заставил сарханга задуматься надолго, но в конце

концов Нимдад ответил довольно решительно:

– Наверное, мухарабату стало известно, что Хастания и Колхида намерены заключить военный союз против Атарпадана... Или на нас готовятся напасть рыссы?

Кивнув, Сумукдиар грустно подумал: «Возможно, он прав, и я должен был объяснить идею хотя бы старшим офицерам – уж они-то наверняка бы поняли... Но тогда они наверняка догадались бы, что следующим противником могут оказаться сюэни. И в души воинов неизбежно прокрался бы страх».

Неожиданно Друид Хашбази, кашлянув, задал свой вопрос:

– Скажите, сарханг Нимдад, с каким настроением ваши люди шли на бой с хастанцами? Наверное, был невиданный взрыв воодушевления?

– Не было воодушевления, уважаемый агабек... – Нимдад дернул щекой. – Напротив, многие солдаты были подавлены – ведь почти у каждого есть в Хастании друзья и даже родичи. Солдаты, да и офицеры тоже плохо понимают, кому и для чего понадобилась эта проклятая война... Ну, до встречи!

Резко оборвав небезопасный по нынешним временам разговор, командир гирканцев махнул на прощание рукой и ускакал в сторону Тахтабада. Отец и сын, оставшись одни, обменялись невеселыми гримасами взаимопонимания и направили коней в противоположном направлении, где из песков и густых колючек поднималось каменное нагроможде-

ние развалин.

По дороге Друид Хашбази не переставая ворчал об idiotских попытках разделить людей на племена и определять на основе этого деления: кто умней, кто красивей, а кто и высоко нравственной. «Какая глупость, – бормотал старик сердитым шепотом. – Надо собрать всех людей, хорошенько перемешать, чтобы каждому досталось понемножку всякой крови – гирканской и аланской, благородной и подлой!» И уж, конечно, не забыл он изречь обязательную сентенцию: дескать, в прежнее время такого безобразия случиться не могло.

Сумукдиар рассеянно поддакивал, но мысли его в тот момент были слишком далеки от племенных распрей, ибо окружающий пейзаж предрасполагал к раздумьям о несравненно более высоких материях. Руины Изирту дышали былой славой великой державы. Каждый камень, каждый обломок, разбитые колонны, монументы и дворцы напоминали о бурных величественных событиях давней истории. Своим гробовым безмолвием камни будто проклинали жестокость судьбы. Бронзовая и медная утварь, строгие простые рельефы на обрушившихся стенах говорили о древних столетиях, когда Изирту был столицей обширной империи Маг-Манна, объединившей магов, мидийцев, хурри, митаннийцев. Правда ли, что Маг-Манну сплотили атланты, которым удалось вовремя покинуть свой гибнущий остров?

Трудно ответить – подробности тех событий растаяли во мгле веков.

Можно лишь догадываться, что вожди империи пользовались покровительством не самых светлых сил потустороннего мира: в летописях сохранились упоминания о чудовищных демонических ритуалах, о частых пришествиях самого Анхра-Майнью, верховного божества мрака и смерти, но – что бы сейчас ни говорили – не Зла.

Потом явились Ахурамазда и сын его Атар (или, по-парфянски, Аташ), в титанической борьбе темные силы потерпели сокрушительное поражение, был убит дракон Дахана, и на смену Маг-Манне возникло Загроэламское царство. Наступила эпоха расцвета, о которой сегодня напоминали разве что осколки статуй, осыпающиеся фундаменты роскошных дворцов, нефритовые фигурки сверхъестественных существ и золотые монеты с чеканным рельефом солнечного диска. Но злой рок продолжал бушевать над этими благодатными краями, и возвратившийся Анхра-Майнью развеял прахом счастливую жизнь загроэламцев. Пять столетий назад, как и сегодня, страну потрясли межплеменные побоища, но тут, хоть это и звучит кощунственно, на помощь пришли свирепые завоеватели.

Парфянские полчища вторглись в раздираемый братоубийством Загроэлам, покорили и примирили уцелевших, а вскоре сами усвоили культуру и религию поставленного на колени народа. Леопарда на парфянских знаменах смени-

ли новые символы: огненное солнце и звезда с пятью скошенными концами, а новообращенные цари принялись служить богу Света и Добра с невиданным прежде усердием. По всему Средиморью возводились храмы, посвященные Ахурамазде и Атару-Аташу. Дэвы, шайтаны, прочая нечисть из свиты Анхра-Майнью попытались было взять реванш, но потерпели сокрушительное поражение.

Отец и сын как раз проезжали мимо полуразрушенного храма огня – *ашашкяха*. В глубине, под тенью обвалившихся стен, светились огоньки вечно горящего пламени – здесь выбивался из-под земли поток живого огня, которым богаты были недра Атарпадана. На остатках стены Сумукдиар разобрал надпись, выбитую в незапамятные времена по приказу одного из первых парфянских царей:

ВОЛЕЮ АХУРАМАЗДЫ Я РАЗРУШИЛ

ЭТИ КАПИЩА ДЭВОВ И ПОВЕЛЕЛ

ДАБЫ ДЭВАМ ВПРЕДЬ НЕ ПОКЛОНЯЛИСЬ

НО ПОЧИТАЛИ АХУРАМАЗДУ

Не удержавшись, Сумукдиар сокрушенно вздохнул. Все это было: мечты, могущество, величие, процветание, богатство, красота, слава. И ничего не осталось. Только ветер уныло стирает, превращая в песок и пыль, руины прекрасных творений древнего зодчества. Он подумал с привычной горечью: «Для чего же мы приходим на этот свет, живем, страдаем, сражаемся, упорствуем, любим, ищем истину – все равно конец наступает неотвратимо... Старайся не старайся – а поступь веков затопчет каждое наше деяние, как отпечаток слоновьей ноги покрывает след ничтожного муравья...»

Воинство Халифата, сокрушив Парфию, захватило и разграбило Средиморье. Наступили кровавые десятилетия, ко-

гда завоеватели, предавая все огню, ходили на север покорять Хозарский каганат, но частенько бывали крепко биты, и хозары гнали незадачливых вояк обратно на юг, разрушая и сжигая то немногое, что уцелело после прохождения пришельцев из далеких пустынь Арабистана. Битвы, мятежи, казни, междоусобицы, мор, наводнения, голод – нескончаемые несчастья истребляли народы и древнюю культуру.

Недолгое просветление наступило, когда на Великой Белой Рыси царствовали приглашенный с берегов Студеного моря ярл Асвильд и сменивший его полусаспир-полуалан Джуга-Шах. Были они решительны и дальновидны и понимали, что выживание огромного народа есть цель, для достижения которой оправданы любые жестокости. Ни ярл, ни Джуга не стеснялись утруждать лишней работой Приказ Тайных Дел и сумели сплотить подданных вокруг Единого бога, являвшегося фанатичным мудрецам и пророкам Фаластыньских пустынь. Средиморье, поглощенное Рысью, вновь расцвело: хастанцы, саспиры, аланы, леги, атары позабыли прежние раздоры и дружно прокладывали каналы, возводили прекрасные города, с каждым днем тучнели стада и приносили все больше плодов поля и виноградники. Но умер последний царь, наследники передрались, как слепые котята, – и снова выросли по всем землям капища темных духов, и снова померк свет над могучей страной, что раскинулась от Гирканского моря до Студеного – и пески продолжали неумолимо поглощать руины Изирту.

Только древняя столица, даже окончательно обезлюдев, не умерла, но стала пристанищем теней. Среди развалин обосновались духи и призраки, которым не было отныне места в других городах. Здесь творились позабытые смертными обряды, здесь продолжала безумствовать пережившая свое время магия. Много странных и страшных дел вершилось в Изирту, вдалеке от человеческих взоров...

– А вот и мы! – весело воскликнул отец. – Не бойся, дружище, выходи. Свои приехали.

Из-за огромной кучи щебня робко выглянуло чудище размером с хорошую лошадь – огромный пес с умными желтыми глазами и большими орлиными крыльями. Тварей такого рода в Средиморье называли дэвами, в Белой Рыси – семарглами, а в других странах – симургами, грифонами и еще по-разному. Имя этого дэва было Белушезиб, и он приходился обоим агабекам давнишним приятелем.

– Здравствуйте, здравствуйте, молодые люди, – приветливо проговорил Белушезиб, который был так стар, что помнил еще времена могущества Атлантиды. – Как поживает ваше племя? По-прежнему развлекаетесь, истребляя себе подобных?

– Случается, – скромно признал Сумукдиар. – На мир снова ползет Тьма. Просыпается кровавый культ Анхра-Майнью, и все его воинство поднимает голову.

Его не слишком интересовал этот ставший обязательным обмен глубокомысленными сентенциями. Однако сразу при-

ступать к делу было бы нарушением приличий, а потому приходилось произносить малозначительные фразы. Впрочем, на этот раз Дэв ответил неожиданным смехом. Это было необычно, и джадугяр насторожился.

– Анхра-Майнью здесь ни при чем. Он обессилел, так же как Ахурамазда, Зевс, Перун и прочие боги прежних времен, – назидательно поведал Белушезиб. – Старые боги, которые некогда повелевали людьми и демонами, покинули этот скорбный, скучный и неблагодарный мир. На смену им должны явиться новые вершители судеб, но их пока нет, а потому пустующее место торопятся захватить третьестепенные духи вроде того же Тангри-Хана.

– Свято место пусто не будет, – пробормотал Сумукдиар. – А я-то был почти уверен, что тварь, которую зовут Тангри-Ханом, это очередное воплощение Анхра-Майнью. Он слишком силен и вполне мог бы оказаться наместником Иблиса.

Дэв снова посмеялся, затем ответил:

– Он кажется сильным потому, что не встретил на своем пути по-настоящему серьезного противника и к тому же его поддерживают и подкармливают чудовищные колдуньи и демоны Магриба, предавшиеся Иблису... Немногие из прежних приближенных Анхра-Майнью согласились служить Тангри – мы слишком хорошо помним, что в свите повелителя он был едва ли не последним.

– Но кто-то все-таки согласился? – уточнил Друид.

– Хызр согласился, а я отказался, – равнодушно сказал Белушезиб.

Вздрогнув, Сумукдиар быстро спросил:

– Значит, Хызр все-таки вернулся? Откуда ты знаешь, что он пошел в услужение Тангри-Хану?

Презрительно пофыркав, дэв оттопырил крыло и принялся шумно чесать когтями задней лапы махательную мышцу. Потом проговорил, брезгливо морщась:

– Какой из него хан – тот же Хызр в десять, в тридцать раз сильнее! Ума не приложу, как может он подчиняться этому выскочке Тангри... Но ведь подчинился, смирил гордыню, хотя именно ему, Хызру, подобало бы стать главным земным наместником Иблиса. Но ты спрашивал, откуда я знаю. Наверняка знаю, из первых рук: именно Хызр самолично приходил ко мне и предлагал присоединиться к возрождаемому воинству Тьмы. Я отказался-сказал, дескать, стар стал и немощен.

– Придумал тоже – стар, – хохотнул Сумукдиар, прибавив голосу немного льстивости. – Думаю, с годами ты стал еще сильнее. Сумеешь даже до Акабы меня забросить.

Белушезиб от души расхохотался и проговорил сквозь смех: мол, с этого и следовало начинать, и добавил, что охотно поможет доброму приятелю... Поблагодарив, волшебник вполне искренне заметил, что беседа принесла ему не меньше удовольствия, нежели предстоящее путешествие, которое обещает быть в высшей степени приятным. Удивленный дэв

вопросительно поднял пышные седые брови и потребовал объяснить, что именно могло столь сильно заинтересовать могущественного джадугяра в тех немногих малозначительных словах, которые он, старый дэв Белушезиб, успел спросонок произнести.

– Меня обрадовала весть, что твои собратья не спешат поддержать Тангри.

– *Пока* не спешат, пока, – вздохнул крылатый демон. – Темные мудрецы Магриба надеялись, что мы радостно поддержим их, что мы горим желанием расквитаться с вами.

– Разве это не так?

Прежде чем отвечать, Белушезиб издал короткий безрадостный смешок. Затем заговорил – негромко, задумчиво и грустно:

– Люди так и не постигли нашу тайну, и магрибские тугодумы вслед за вами тоже считают Анхра-Майнью своим предтечей, повелителем кровавых сил Зла... Да, мы сражались против Ахурамазды. Но мы не желали зла смертным – у повелителя была высокая благородная цель, которая объединила нас и водила в битвы на протяжении многих тысячелетий. Там, где мы побеждали, например в Атлантиде, в Маг-Манне, в других местах, люди не были в обиде, но жили лучше и побогаче, чем в самых известных сегодня странах. И так ли уж добр был твой Ахурамазда, который стер с лица океана великий остров, жители которого осмелились отвергнуть идею Света?.. Нет, мы были воплощением Тьмы,

но сама Тьма в то время не была Злом! Другое дело – Иблис, Озирис и прочая нечисть, они действительно олицетворяют все низкое и темное, что только существовало когда-либо во всех мирах Вселенной. Как же можем мы, сподвижники великого Анхра-Майнью, следовать за изувером и самозванцем? – Помолчав, он добавил: – Хотя, наверное, теперь многие последуют за Хызром. Коли Тангри-Хану удалось перетянуть на свою сторону этого могучего гордеца, значит, у него найдется сила, чтобы привлечь к себе и других. Только не догадываюсь я, хоть лопни, что за силой обзавелся Тангри.

«Нетрудно догадаться, в чем истинная сила Тангри-Хана», – подумал Сумукдиар, но вслух этого произносить не спешил. Истина была слишком драгоценным предметом, чтобы беспорядочно раздавать ее тем, кто не в силах самостоятельно постичь очевидное. Белушезиб был невероятно силен в колдовстве, и по яркости его хварно (хоть и окрашенное в мрачные тона) не уступало магическому сиянию, исходившему от самого агабека Хашбази-Ганлы.

Но ужасающая волшебная сила иногда становилась слабым местом дэва – привыкший делать все с помощью своего говве-а-джаду, он забывал, что можно удесятерить могущество, воспользовавшись искусственными приспособлениями. Видимо, так и поступил Тангри – не зря же первый удар Орды сюэней был обрушен на древние царства Хиндустана. А уж там-то имелось чем поживиться грамотному мародеру

– например золотыми доспехами Индры...

– Стало быть, тебе в Акабу надо? – деловито спросил Белушезиб.

– Твоя догадливость воистину беспредельна, – снова польстил джадугяр, чем привел старого дэва в состояние блаженного восторга. – Но сначала верни отца в Ганлыбель.

Белушезиб мотнул головой, показывая, что все понял, и взмахнул крыльями, заслонив солнечный свет. Из ноздрей дэва ударили струи фосфорического розового дыма. Подняв на прощание руку, Друид Хашбази сделался прозрачным и вовсе исчез. Затем истекавшая из Белушезиба магическая субстанция обволокла Сумукдиара.

На мгновение наступила абсолютная тьма.

Глава 3

АКАБА – ЖЕМЧУЖИНА ГИРКАНА

Открыв глаза, агабек Хашбази Ганлы обнаружил, что стоит на верхней палубе галеры-триремы, которая только что пришвартовалась к причалу акабского порта. Рабы-нубийцы, напрягая могучие мышцы под лоснящейся от пота черной кожей, зацепили борт корабля крюками трапа, и на берег чинно двинулись знатные пассажиры: парфянские купцы и шпионы, праздные гуляки, спешащие растратить золото, награбленное отцами-разбойниками с Кушанских гор. За ними спускались, бросая по сторонам тяжелые настороженные взгляды, торговцы анашой и гашишем из далекого Кашгара. Следом за гостями столицы Атарпадана шли слуги, переносившие привезенные товары: ткани, богатую одежду, украшенное серебром и золотом оружие, шкатулки с драгоценностями, неограненные самоцветы. Рабы катили бочки с засоленной рыбой, икрой, тащили мешки пряностей.

Расталкивая мешкающих, Сумукдиар сбежал на пирс и направился к выходу в город. Солдаты таможенной стражи, охранявшие ворота, привычно подставили ладони, и он машинально кинул им несколько четырехугольных тамга. К его удивлению, скрещенные алебарды по-прежнему заслоняли

путь, а караульные укоризненно сообщили, что за медную монету сейчас даже в морду никто не плюнет, а за проход полагается платить не меньше серебряного дирхема.

– Я без груза, – по возможности миролюбиво сообщил волшебник.

Он не любил без особой надобности превращать двуногих скотов в четвероногих. Обнаглевшие стражники, однако, принялись настаивать, и рассвирепевший Сумукдиар уже приготовился произнести подобающее заклинание. Тут из сторожки выглянул пьяненький офицер с нашивками юзбаши. Увидев, с кем препираются его шакалы, офицер заорал:

– Эй, вонючие крысы, дети болотной гадюки, собачье дерьмо в рот ваших отцов! Неужели жирные задницы, которые у вас вместо голов, не уразумели, что это благородный гирканец?! – Повернув ленивый взгляд на ара-бека, он милостиво провозгласил: – Проходи, земляк, и ничего не бойся. Юзбаши Надсар из Тахтабада не забыл обычай предков...

Неожиданно его глаза расширились, и, мигом протрезвев, командир стражников издал сдавленный вопль, в котором смешались восторг, опаска и подобострастие. Сумукдиар тоже узнал Надсара – в Бактрии тот служил десятником в гирканском эскадроне и славился великолепным ударом с обеих рук. А сейчас вот, переболев удалью, осел на тепленьком местечке в порту и промышляет мздой с контрабандистов и честных гостей столицы.

Опыт прожитых лет приучил джадугяра мириться с че-

ловеческими слабостями, и он тепло приветствовал бывшего подчиненного. Тот расцвел, проводил «дорогого эфенди» за ворота, расспросив попутно о драгоценном здоровье всех родичей до третьего колена, и долго настаивал, чтобы агабек хотя бы разочек посетил его скромное жилище. Уходя, Сумукдиар слышал, как Надсар вразумляет солдат:

– Как были вы безмозглыми чабанами, такими и остались. Это же сам Кровавый Паша – слышали небось, как он вырезал всю нечисть Шайтанда?!

– Вах! Вах! – поражались перепуганные стражники.

Оказавшись в городе в столь ранний час, Сумукдиар поневоле задумался, куда направиться. Салгонадад ясно дал понять, что до возвращения из «морского» путешествия говорить им не о чем. Племянник Верховного Джадугяра, сарханг мухабарата Шамшиадад назначил срок – к обеду. Во дворце эмира его наверняка не ждали, а идти в караван-сарай не хотелось. И вообще не лежала у него душа с утра наносить деловые визиты – стало быть, самое время навестить друзей и родных.

Ближе всех к порту жил его старый учитель Аламазан, второй жадугяр эмирата, посвященный самому Атару. Ближайших родственников было двое: двоюродный брат Фаранах и танцовщица Удака, с некоторых пор восплававшая к Сумукдиару бешеной, хотя и не вполне бескорыстной страстью. Прикинув наиболее короткий маршрут, агабек направился к дому Фаранаха.

С годами он все меньше любил столицу. Этот огромный город, как опущенный в чашу вина сухарь, впитывал сброд со всего эмирата. Воры, убийцы, аферисты, мздоимцы, распутницы стекались в Акабу, словно привлеченные светом фонаря комары, словно спешащие к разлитому варенью осы. В этой клоаке превосходно прижились служители и поклонники кровавого культа. Пока жрецы старых храмов спорили, принять ли веру Единого бога, колдуны темной силы предали Единому повелителю Зла— Иблису. Не удивительно, что именно в Акабе разразился самый страшный за последние полвека погром.

Из грязных подворотен тянуло вонью гниющего мусора, возле колодцев и других источников воды толпились одетые в рвань простолюдины с кувшинами и бурдюками. Которые сильнее и нахальнее, отталкивали, а порой попросту избивали слабых и смиренных. Рыдая, пробежала пожилая женщина, голосившая, что только сейчас какой-то негодяй отнял у нее последние три дирхема. Остальные старательно отводили глаза — не в силах помочь чужому горю, люди старались отгородиться от боли и забот ближних. В тени арок и деревьев скользили подозрительные фигуры с замотанными грязной тканью лицами — воры или сводники. Повсюду сидели нищие, окруженные множеством детей — убогих и калек. Тут же расхваливали свой товар торговцы, продававшие женщин на короткий срок — для одноразового использования.

Сумукдиар невольно вспомнил книгу «Сравнительное описание демонов», где говорилось, что с появлением Хызра будет рождаться много уродов, на улицы выйдет темный народ, разносящий дух смерти. Вот он, темный народ, – ворует, побирается и готов убивать себе подобных только за принадлежность к другому племени. Опутанные магией злых сил, люди на глазах превращались в двуногих зверей-людоедов.

Звери? Краем глаза Сумукдиар заметил непонятное движение и повернул голову в ту сторону. Грязная худая дворняга – белая с желто-рыжими пятнами – брела прочь от мусорной кучи, свирепо рыча на прохожих и бережно держа в зубах... белую куклу-щенка. Опустив свою находку на землю в тени чинара, псина принялась, нежно скуля, вылизывать куклу. Видимо, у бедняги недавно передохло потомство, и теперь несчастное животное нашло себе утешение. «Вот, казалось бы неразумное животное, а ведь тоже имеет какие-то чувства, – подумал агабек, всегда умилявшийся любым проявлениям жизни. – А я сравнивал людей с четвероногими. Нет уж, люди гораздо хуже зверей – те хотя бы не глумятся над трупами себе подобных. Разве что гиен и шакалов можно сравнить с человеком по жестокости и подлости...»

Он остановился на углу, ожидая, пока пройдет караван. Прямо перед ним, на другом конце площади начиналась главная городская улица, на которой стоял дом двоюродного брата, а слева вздымалась над Акабой покрытая лесом гора Патам-Даг, на гребне которой среди вековых сосен и кипа-

рисов высился неподвластный времени замок. Розовый камень, франкские башни-форты по углам, уступчатая пирамида главной цитадели. Строение, отличавшееся своей архитектурой от остальных зданий города, служило когда-то обителью самому Мир-Джаффару – не очень сильному, но непреклонному магу, которого Джуга-Шах назначил сатрапом всего Атарпадана. После кончины царедарского тирана, когда Средиморье откололось от Рыси, Мир-Джаффар бесследно исчез. Ходили слухи, будто его казнили жрецы Иблиса, однако никто не видел этого колдуна мертвым, и никому с тех пор не удалось проникнуть в Розовый замок – непонятная магия оберегала покой резиденции жестокого, но любимого народом наместника...

Сумукдиар пересек площадь и несколько раз стукнул колотушкой о медный диск, подвешенный у двери. Слуга, впустивший гостя в дом, сообщил, что хозяин уже встал. Тут же он добавил:

– Господин в дурном настроении. Вчера были у этого пьяницы лега Рустамбека, вернулись поздно, хозяин всю ночь изволили простоять, согнувшись над тазом. Утром еще зеленый были и сейчас продолжают опохмеляться.

Родственничка джадугяр нашел во внутреннем дворе, где Фаранах увлеченно дразнил пару огромных псов. Небрежно ответив на приветствие Сумукдиара, он принялся с жаром расхваливать несравненные достоинства своих любим-

цев: рост, злобу, сноровку, покорность, ум. Помня, что впереди до обеда еще много времени, гость усердно делал вид, что внимательно слушает, а сам печально сокрушался тем, что сын его дяди так бездарно прожигает свою жизнь.

Сын неистового Муканны Ганлы – знаменитого мятежника из Северной Парфии, сподвижника самого Парпага, – Фаранах унаследовал от отца могучее телосложение и густые черные усы, но отнюдь не волю и решимость. Силач, способный уложить одним ударом коня, он проводил все время, организуя попойки для своих разорившихся приятелей, а также дрессировал породистых псов, лошадей, охотничьих соколов, боевых петухов и баранов, гончих зайцев и тараканов. Иногда казалось, будто Фаранах действительно не шутит, когда говорит, что предпочитает четвероногих тварей законной жене и родным детям.

А вот, кстати, и его жена. Лансата, дочь рысски и гирканца, красивая светловолосая женщина, слишком любившая трепать языком по всякому поводу и уж подавно без повода, набросилась на гостя, расцеловала, посетовала, что он так редко навещает родственников, и продолжала тараторить, стремительно доводя до его сведения все последние сплетни о членах семьи, общих знакомых, просто известных в городе особах, а также о людях, которых, кроме нее, никто не знал.

Впрочем, повествование Лансаты вовсе не было сумбурным и беспредметным. Как бы между делом она ловко ввер-

нула, что Удака уехала в родную деревню – кажется, не одна, но с очередным влиятельным покровителем, – и что ее племянница поведала своей любимой тетушке Лансате, будто безумно влюблена в Сумукдиара и по этой причине совершенно не спит ночами, непрерывно рыдает и даже чуть не похудела...

Измены Удаки Сумукдиара ничуть не тревожили – танцовщица, она танцовщица и есть. Гораздо сильнее нервировали попытки акабской родни скоропостижно женить его на очередной перезревающей, но упорно не худеющей девице.

– Видал я ее пару раз, – миролюбиво сказал Сумукдиар. – Дура, по-моему. К тому же кривоногая и слишком жирная.

– Очень красивая девушка, – обиделась Лансата.

– Так уж и «девушка», – он прищурился. – Мы хоть и в деревне живем, а кое-что слышим.

Фаранах заржал так оглушительно, что несчастные псы испуганно шарахнулись. Отпустив изрядное число соленых шуточек насчет любовных страданий и походов упомянутой племянницы, кузен неожиданно вознамерился испробовать свое остроумие на госте и заговорил, слащаво улыбаясь:

– Сумук теперь бабами не интересуется, новое развлечение себе нашел – он теперь вздумал хастанцев убивать. Мало их качкыны резали – теперь еще великий джадугяр решил убийцам помогать... А тебя, случаем, совесть не мучает, когда единокровных убиваешь? Ты ведь сам наполовину хаста-

нец!

– Не болтай, – буркнул Сумукдиар.

– Испугался! – засияв идиотской улыбкой, воскликнул Фаранах. – Надо будет кинуть по три тамга всем глашатаям, чтобы кричали по утрам: «Сумук Хашбази – хастанец, Сумук Хашбази – хастанец!» Глядишь, какой-нибудь дедеркин тебя и прирежет.

Разозлившись, волшебник обозвал двоюродного брата вонючим ишаком, посоветовал поменьше налегать на вино, пока не пропил все мозги. «А если пьешь, так хоть не собачьим дерьмом закусывай!» – сказал он и направился к дверям. Развеселившийся родственник вопил ему вслед:

– погоди, не торопись, сейчас придут тебя убивать... Эй, ты, хастанец, убивающий хастанцев!..

Внезапно эта хмельная бравада сменилась душераздирающим воплем – неведомо откуда вокруг Фаранаха заплясали обжигающие языки пламени. Уже стоя в дверях, Сумукдиар обернулся, презрительно поглядел на побледневшего сына бесстрашного Муканны, щелкнул пальцами, погасив огонь, и вышел на улицу.

Короткая стычка окончательно испортила настроение. Всякий раз, сталкиваясь с межплеменной рознью, он испытывал неутолимое желание перерезать глотки вырождающим, бросающим сухой хворост в костер вражды между народами, однако он лишь попусту исходил своей бессильной яростью. Проклятые поджигатели удивительным образом ока-

зывались под защитой если не закона, то всеобщего мнения. «Ты не согласен, что надо убивать врагов нашего племени? – говорили они, изображая священное негодование. – Стало быть, ты сам враг! О каком примирении ты смеешь говорить, о каком еще милосердии – врагов надо убивать!» Оперировав такими нехитрыми призывами, удалось поднять на войну два народа – хастанский и атарпаданский.

Откуда, какими тайными тропами вползла в Средиморье ядовитая зараза вражды? Когда Сумукдиар был молод, да и раньше, когда был молод его отец, все царства жили мирно и дружно – саспиры и аланы, хастанцы и атарпаданцы, леги и хозары. Но три года назад началось страшное, чему нет названия в человеческом языке и не должно быть места там, где живут люди.

Собственно говоря, ростки этих безобразий появились вскоре после кончины Джуга-Шаха. Пока здесь стояли гарнизоны северян, Средиморьем правили сатрапы Белой Рыси – сурово правили, спору нет, но все-таки сохранялась справедливость, а малейшие признаки вражды жестоко искоренялись. Потом великое царство рухнуло, и на месте Средиморской губернии появились самостоятельные, но карикатурно-карликовые эмираты, ханства, королевства и княжества, владыки которых были озабочены лишь собственным обогащением.

Народ изнемогал под гнетом алчных ханов, бессердечных жрецов, продажных судей-казиев, безжалостных ханских ну-

керов. Изнемогал и копил лютую злобу, которая неизбежно должна была прорваться кровавой вакханалией мести. Большие и малые правители, при всей своей тупости сознавая это, стремились любой ценой отвести от себя гнев простолюдинов, а потому поступили древним как мир способом: наравили озлобленных голодных соплеменников на живших по соседству людей другой крови – таких же голодных и озлобленных.

Подлое это дело готовилось годами, если не десятилетиями, и наверняка не обошлось тут без грязных лап бесчеловечных колдунов Магриба. По всему Средиморью возводились – поначалу тайно, а затем в открытую – капища идолов Тьмы, в которых регенты Иблиса внушали слабым духом, что каждый, кто принадлежит к другому племени, – враг. Так постепенно и незаметно темные силы опутали злыми чарами весь край от моря до моря, и околдованные народы принялись без зазрения совести резать вчерашних друзей, истово уверовав, будто изгнание «врагов» сделает лучше их собственную жизнь.

И разразилась резня. Саспиры убивали аланов, аланы – саспиров. Из Хастании были изгнаны родственные атарпаданцам племена *качкын* и *дедеркин*, а из Атарпадана – хастанское племя *дыга*. И что же, счастливее стали изгонители? Атарпадан лишился половины городских ремесленников, врачей, грамотеев, а Хастания – половины своих земледельцев и скотоводов. Теперь несчастные беженцы-качкыны,

лишившиеся всего имущества, попав в Акабу, где им, прирожденным селянам, нечем было заняться, бесцельно слонялись по кривым закоулкам столичных окраин, нищенствовали, воровали, не гнушались и убийствами. Темный народ – свита злого демона Хызра...

Вот и дом Аламазана.

Войдя в большую комнату, Сумукдиар догадался, что явился не ко времени. Старый волшебник готовился к медитации, так что сейчас ему было не до гостей. Деликатный старик не показал виду, однако гость из Ганлыбеля, поспешил откланяться, ссылаясь на срочные дела в военном ведомстве.

– погоди, – сказал Аламазан. – У меня есть немного времени.

Он велел подать чаю и сладостей, кивком указал любимому ученику на подушку в углу ковра. Агабек Хашбази Ганлысел, скрестив ноги, и выжидательно поглядел на Аламазана. Тот проговорил, смущенно улыбаясь, точно оправдываясь:

– Обычная история, только не вовремя, как всегда. Какой-то маг из-за моря покорнейше упросил дать ему поединок. Пришлось согласиться.

Дело действительно было обыкновенное. Волшебники всех рангов, подобно деревенским силачам-пехлеванам Средиморья, а также закованным в броню рыцарям из франкских стран, частенько сходились на поединки, чтобы испы-

тать на практике свое мастерство, мощь и ловкость своих говве-а-джаду. Года три-четыре назад, как раз перед вспышкой атарпаданско-хастанских распрей, в Средиморье прошел грандиозный турнир джадугяров. Тогда и определились – до следующего состязания – титулы главных чародеев: Агафангел из Хастана и Серапион из Колхиды. Хотя Сумукдиар в тот раз занял лишь пятое место в общем зачете и стал третьим среди магов Атарпадана, все поняли, что у молодого джадугяра большое будущее. В решающей схватке предпоследнего тура он едва не одолел самого Салгонадада, однако опыт и хитрость одержали верх над грубой силой и бесшабашным натиском. После турнира Сумукдиар сделал важный вывод: в магических схватках, как и в рукопашных, надлежит действовать осмотрительно и неторопливо, чтобы тщательно выбрать момент для неотразимого выпада...

– Когда вы встречаетесь? – спросил Сумукдиар.

– В третий день недели. На пустыре позади заброшенного аташкяха, что возле Драконьих Ворот. Мой соперник настаивает, чтобы поединок проходил без свидетелей и чтобы ни один из нас не использовал каких-либо магических предметов... Ты давай кушай пахлаву, чай пей, остынет.

Усмехнувшись, гирканский агабек заметил, что будущий противник Аламазана не отличается храбростью, но очень самолюбив – не желает, чтобы кто-нибудь увидел его поражение. Волшебники посмеялись, с наслаждением смакуя отличный чай. Затем старик вдруг спросил о военном походе,

в котором так отличился юный Хашбази. Сумукдиар с жаром заговорил о том, что так волновало его в последние месяцы, – о неизбежности войны с надвигавшейся из-за Гирканского моря ордой Тангри-Хана, о пробуждении Хызра, о необходимости тщательной подготовки к будущим битвам. Аламазан слушал не очень внимательно, хоть и кивал время от времени, вроде бы в знак согласия.

Лицо старого – годами, но не духом – джадугяра выражало крайнюю степень самоуглубления. Опытный боец, Аламазан заранее настраивал себя на предстоящий поединок. Когда его гость умолк, Аламазан произнес задумчиво и отрешенно:

– Я знаю... А то, что разбужен Хызр, что же, этого следовало ожидать. Это плохо, но не слишком страшно. Жаль, что Салгонадад увлекся придворными интригами и не всегда смеет отстаивать истину перед властителями. Но он – я уверен! – не поддастся силам Мрака и будет на нашей стороне в трудную минуту.

Внезапно Аламазан уколол собеседника пристальным взглядом и сказал:

– Ты говорил, что постиг своего двойника в потустороннем мире... Кто он – человек или демон, каким силам служит?

Вопрос трудно было назвать простым. Двойник, как и прочие его соплеменники, занимался странными делами, в которых Сумукдиар разобрался далеко не полностью.

Больше всего молодого джадугяра смущали таинственные устройства с сердцевиной в виде кристаллов рубина или граната, испускающих огненный луч света, который прожигал даже стальной лист. Луч этот мог служить сильнейшим оружием, однако Двойник предпочитал пользоваться этим светом, чтобы изучать тайны материи.

Аламазан закивал и проговорил одобрительно:

– Ты настолько крепко связан с Духом Света, что даже твой аналог, живущий в Мире Теней, тоже служит Свету.

– Разумеется, я ведь посвящен Ахурамазде.

Предостерегающе помахав ладонью, старик сказал поучающим тоном:

– Не ограничивай себя одним лишь именем повелителя. Чтобы разобраться в событиях, которые происходят у нас в Среднем Мире, надо понять смысл той грандиозной борьбы, что развернулась в Верхнем Мире между богами, а также в извечной борьбе между владыками Верхнего и Нижнего Миров, в которой поневоле вынуждены участвовать и смертные... Мы знаем много воплощений бога Света: Ахурамазда, Аполлон, Хорс, Будда, Лур...

– Старые боги, увы, покинули Средний Мир и не интересуются более нашими делами, – мрачно произнес Сумукдиар. – А Единый бог еще не пришел к нам.

– Ты не прав, – мягко возразил Аламазан. – Он уже здесь, просто мы не хотим замечать его. Скорее всего, мы просто боимся поменять старых повелителей на нового, несрав-

ненно более могущественного... Наверное, зря боимся. Есть свидетельства, что Светоносный тоже вернулся, поддержав Единого и вступив в его свиту.

– Но почему Он не явился мне, даже не подал знамения?!

– Нам ли судить наших повелителей? И Ахурамазда, и Атар служат Единому богу и могут быть не свободны в своих поступках и решениях.

– Так кто же Он, этот Единый?! – вскричал Сумукдиар. – Действительно ли новый дух, недавно рожденный в Верхнем Мире, или кто-то из старых, сумевший свергнуть олимпийского царя-громовержца?

– Узнаем, – пообещал старый маг. – Поговорим об этом при следующей встрече. А теперь прости, но мне пора приступить к медитации...

Покидая дом, агабек посмотрел на водяные часы в прихожей. Приближалось время обеда, так что следовало бы поспешить. Сумукдиар направился в сторону Самшитового замка, раздумывая на ходу, почему вызов исходил на этот раз не от назира-хекмандара, как обычно, но – от Шамшиадада, начальника городских шпионов и родного племянника Салгонадада. Возможно, решил он наконец, дело не в облете очередного дракона. Возможно, Тайная Стража опять поймала важного преступника, и требуется допросить его с помощью колдовства. Сумукдиару уже приходилось оказывать мухабарату подобные услуги – Шамшиадад говорил даже: неоценимые услуги, – и волшебник не испытывал жела-

ния уклоняться от участия в допросах. Враги государства и рода человеческого для того и существуют, чтобы их искоренять!..

Он перешел широкий арык, осторожно ступая по скрипучим, еле скрепленным доскам мостика. Дальше дорога шла вверх – Акаба стояла на холмах. Город вырос на юге полуострова, распластавшись дугой вдоль берега бухты – от Патам-Даг до Ахмедарта. Первую гору венчал Розовый замок Мир-Джаффара, другую – Нефритовый замок эмиров династии Ас-Кечан-Гюн.

Вспомнив о правящем семействе, Сумукдиар не удержался и даже вполголоса выругался, чем здорово напугал нескольких прилично одетых прохожих обоего пола.

С монархами эмирату не повезло так же основательно, как и со всем остальным. В бурные недели после отделения Средиземья от охваченной смутой Белой Рыси, когда только что образовавшиеся государства целеустремленно готовились к сведению застарелых счетов, а оккупировавшие Парфию армии Халифата – к решительному броску на север, – в те дни трусливый меджлис Атарпадана не нашел ничего лучше, как призвать на пустующий трон Акабы принца Уалкинасала из захудалого ассирийского рода. Избрать земляка оказалось сложно, потому что вожди знатных родов не смогли вовремя договориться и, проснувшись в один прекрасный день, узнали, что ими правит чужеземец – Ас-Кечан-Гюн. Худше-

го выбора трудно было представить. Монарх-чужестранец не понимал и откровенно презирал народ государства, которое досталось ему во владение, и к тому же оказался полным бездарем и трусом, в результате чего моментально развалил армию, наводнил администрацию взяточниками и разорил землевладельцев и других уважаемых людей. На третий год его правления вторгшиеся с севера хозары осадили Акабу, и эмир, бросив столицу и подданных, скрылся в горах. Захватчики вскоре ушли, удовлетворенные поспешно собранным выкупом, и с той поры марзабаны не очень-то подчинялись трусливому эмиру. Порядок в стране кончился, казалось, навсегда, чем и пользовались темные силы, открыто хозяйничавшие по всему Атарпадану...

Темные силы? А вот и они. Легки на помине. До резиденции Тайной Стражи оставалось не больше сотни шагов и два поворота, но Сумукдиар укоротил шаги, не без интереса наблюдая за происходящим. В этом месте кривые улочки сходились к Мурдар-Мейдану, что переводилось как Площадь Нечисти. Здесь собирались вору, менялы, продавцы и покупатели дурманящего курева, сутенеры и служившие им девицы, наемные убийцы. Тут и там зияли входы в подвальные притоны и харчевни. Здесь же собиралась всякая *полуестественная* нечисть. Порождения Зла и Мрака прочно обосновались на городском дне и держали за глотку продажных блюстителей неправедных законов. Зло всегда возрастает на отбросах и нечистотах.

Жизнь на Мурдар-Мейдане кипела главным образом в ночное время, а сейчас по площади слонялись лишь несколько диких на вид парней – вероятно, дедеркины из какой-нибудь бандитской шайки. Но кроме них, недоступные взорам простых смертных, по разбитым в щебень булыжникам скользили призрачные тени – злые духи, исторгнутые преисподней и, в чем Сумукдиар не сомневался, посланные в Средний Мир, чтобы совершить какое-нибудь грязное дело. Вот невидимые сгустки Мрака, распределив между собой дедеркинов, заставили этих спутников Хызра собраться в кучку. Вот одна из теней вложила некий предмет в карман рослого дедеркина, одетого в грязный, но когда-то щегольской халат из дорогого кашгарского шелка в красно-зеленую полоску. Заинтригованный столь сложными приготовлениями к предстоящему действию, Сумукдиар с нетерпением ожидал продолжения.

Дальнейшие события не заставили себя ждать. На площадь выбежала подгоняемая парой духов Тьмы высокая девушка – голубоглазая со светлорусой косой. Никто из людей не видел посланцев потустороннего мира, которые неощутимо управляли каждым их движением и поступком, однако духи делали это, и шесть городских негодяев, отпуская непристойные шуточки, окружили девчонку. Та приветливо заулыбалась и сделала попытку заговорить с ними по-венедски, объясняя, что приехала в Акабу с отцом, купцом из Ры-

си, но здесь заблудилась и не может найти обратной дороги к караван-сараяю. В ответ дедеркины, продолжая перешучиваться, стали подталкивать ее к дверям какого-то вертепа. Сначала юная венедка доверчиво сделала несколько шагов, но затем, заподозрив неладное, стала вырываться. Хохочущие мерзавцы, подхватив девушку, грубо потащили в сторону подвала. Прохожие старательно отворачивались, не желая связываться с дерзкими бандитами.

Лишь один смуглый и жилистый черноусый парень в опаленном кожаном фартуке – судя по пятнам сажи на лице, он был кузнецом – бросился к дедеркинам, возмущенно требуя прекратить безобразие, но вынужден был остановиться, когда перед носом у него сверкнули ножи. Парень отступил на полшага и принялся громко возмущаться: дескать, проклятые пришельцы совсем обнаглели, и пора, мол, наконец очистить город от этой дряни. Обозленные дедеркины пустили в ход кулаки. Кузнец вырвался из кольца, отбежал на другой конец площади и, с трудом шевеля разбитыми губами, прокричал со злобой:

– Ну, погодите, шакалы! Вот придет Горуглу – поглядим, какого цвета ваши кишки!

Никто его не поддержал. Зажав девушке рот грязными ладонями, распоясавшиеся насильники беспрепятственно понесли ее дальше.

Сумукдиар стоял как раз на пути банды и, когда шестерка дедеркинов проходила мимо, громко сказал:

– Немедленно отпустите ее.

Невероятно удивленные этим окриком, они уставились на агабека, и красно-зеленый проговорил примирительно:

– Эфенди, зачем мешаешь позабавиться с этой желтоволосой кобылой? Если хочешь, мы позволим тебе попробовать ее первым – только заплати десять дирхемов.

«Превратить бы их в жаб», – брезгливо подумал Сумукдиар.

Делать этого он, однако, не стал, потому что не хотел неприятностей с городскими властями, и снова потребовал:

– Я сказал: отпустите и убирайтесь.

На их свирепых рожах заиграли угрожающие гримасы.

Кто-то завизжал:

– И твоя очередь скоро настанет! Кровью умоешься, гирканский пес!

– Он мешает честным гражданам эмирата! Хастанский шпион!

«Ну вот они меня и довели, – отреагировал разъяренный джадугяр. – Придется выпустить немного черной крови. Никакого вреда, кроме пользы».

Он сделал шаг вперед и, все еще надеясь обойтись без трупов, опрокинул ближайшего дедеркина ударом эфеса в челюсть. Остальные проворно расступились, взяв агабека в кольцо. Снова тускло блеснули длинные кривые клинки кинжалов.

Дело принимало неприятный оборот – как тогда, в Шай-

танде. Убить волшебника без магического оружия трудно, однако возможно, поэтому Сумукдиар, не дожидаясь атаки, пустил в ход говве-а-джаду. По Мурдар-Мейдану пронесся вихрь джамана, и злобные духи мгновенно исчезли, сметенные сокрушительным ударом чародейской силы. Теперь никто не направлял шестерку бандитов, но у тех не хватило ума ретироваться, и главарь в полосатом халате приказал перерезать глотку богато одетому врагу. Двое рискнувших напасть на него одновременно спереди и слева немедленно лишились голов, и число мертвецов могло бы утроиться, но тут на площадь вырвались две дюжины всадников, возглавляемых Шамшиададом.

– Бросайте оружие, вы, дети бешеной гиены! – рявкнул сарханг Тайной Стражи.

Мигом растеряв последние остатки куража, дедеркины бросились врассыпную, но были схвачены спешившимися солдатами.

– Вовремя ты подоспел, братишка, – сказал Сумукдиар.

– Дядюшка меня предупредил, что наемники Сил Мрака могут напасть на тебя, вот я и выехал навстречу.

Салгонадад предвидел? Значит, это была ловушка для него, Сумукдиара! Не отвечая Шамшиададу, он подошел к связанному главарю бандитов и, обыскав карманы красно-зеленого халата, обнаружил необычный кинжал. На первый взгляд оружие казалось бронзовым, но то была не простая бронза. Клинок буквально горел от переполнявшей его

магии, причем магии злой, на какую был способен только Магриб. Изображения сплетенных змей, выгравированные на рукоятке и вдоль лезвия, не оставляли сомнений – оружие изготовлено далеко за морем, на западе Черной Земли. И назначение у этого оружия было самое простое – убивать сверхъестественные существа, в частности волшебников.

Додумать, что все это могло означать, агабек не успел: на площадь выбежал рыжебородый мужик в кафтане – типичный рысс. Девушка, ставшая поводом для стычки, бросилась к нему и принялась, всплескивая руками, что-то рассказывать. Выслушав ее, мужик подошел к Сумуку и Шамши и проговорил на ломаном парфянском:

– Чок саг ол, большое спасибо, досточтимые эфенди, вы спасли от бесчестья мою дочь...

– Это был наш долг, – ответил Сумукдиар по-рыски. – Можете говорить на своем языке, мы оба учились еще в прежних школах.

Озабоченный, как бы у приезжих не сложилось превратного впечатления о порядке в Акабе, Шамшиадад добавил:

– Надеюсь, этот досадный случай ненадолго омрачит настроение наших дорогих гостей. Преступники – не горожане, а пришельцы из Хастании. К тому же они были обуяны злыми демонами – гульябанами.

– Вроде ваших бесов, – пояснил Сумукдиар. – Оставим этот неприятный разговор. Скажите лучше, какая сейчас жизнь в ваших городах?

Гость – так у рыссов назывались купцы – оказался словоохотливым и поведал, что в Белоярске, откуда он приехал, сейчас тревожно: прежний князь сильно прижимал податями торговых людей, а новый – тот и вовсе лютый зверь. Донельзя донимают поборами, говорят, к войне готовиться надо... И вообще, дескать, народ вконец обленился – пахари, скотоводы и мастера больше пьют, чем работают.

– А коли некому работать, так и торговать нечем, да и всем голодно живется... И у вас тоже тревожно, знатные гости не рвутся на Гиркан плавать – убивают у вас, и лихих людей много развелось. Ой, спаси Стрибог, что дальше-то будет...

– Погодите-ка, – прервал его обеспокоенный Сумукдиар. – Вы сказали, что в Белоярске теперь новый князь. Что же случилось с Иваном Ползуном?

Потрясенный его осведомленностью купец растерянно пробормотал:

– Так Ваньшу ведь в Царедар призвали на княжение...

– Ты знал об этом? – Джадугяр порывисто повернулся к офицеру мухабарата, но тот отрицательно покачал головой, и Сумукдиар снова обратился к венеду:

– Кто же теперь правит вашим городом?

– Санька Пушок, – мрачно сообщил гость. – Ух, лютый мужик, не гляди, что молодой. Обложил, говорю, налогами. Все, кто побогаче, зело злобствуют: какая, мол, война, с кем война – непонятно... – Гость привычно понизил голос – Но только платят налоги безропотно, ибо *память* у Пушка

крепкая.

Оба гирканца выразительно перемигнулись и, распрощавшись с купцом и купцовой дочкой, направились к Самшитовому замку.

Дорогой они обсудили неожиданное известие (в Атарпадане всегда настороженно следили за переменами на севере) и пришли к согласию, что Белая Рысь, похоже, взялась за голову и к власти мало-помалу приходят умные князья-патриоты, способные возглавить отпор Орде.

Потом беседа переключилась на другой круг вопросов, и агабек изложил свои подозрения, что происшествие на Мурдар-Мейдане было не случайным. Сбывалось предсказание Ак-Годжи: гульябаны, демоны темных сил, явно пытались устранить Сумукдиара, для чего и подсунули одному из деркинов специальное заколдованное оружие.

– Возможно, – вздохнул Шамши. – В последнее время регенты Иблиса совершенно распоясались. Я, собственно, собирался просить тебя о помощи.

– Опять «неоценимые услуги» понадобились? – усмехнулся волшебник.

– Представь себе. Мы арестовали одного одержимого – надо его допросить.

– Надо – допросим... А я, честно говоря, надеялся, что мы идем к тебе обедать, а потом я получу дракона.

– Все будет, не торопись... И обед, и дракон, и особое

задание... Только пообедаем мы чуть позже, у военных. – Шамшиадад помедлил, потом все же сказал: – Твое участие в хастанской операции смутило многих – и врагов, и друзей.

– Ну их всех в...

Шамшиадад настойчиво продолжал:

– Ты столько раз отказывался воевать с хастанцами, но вдруг вызвался сам. Многие влиятельные лица...

– Не лица, а...

– Успокойся! – прикрикнул тайностраник. – Важные персоны встревожены: что случилось? Признаюсь, мы с дядюшкой всерьез надеялись, что ты, как истинный парфянин и к тому же наполовину хастанец, попытаешься примирить наши народы, а ты почему-то решил воевать по-настоящему. И другое: ты разбил вторгшуюся армию с минимальными потерями, но использовал несоразмерно большие силы. К тому же Тигранакертский полк ушел от Нимдада практически в полном составе, а не был разгромлен... Кое-кто уже начал шипеть: дескать, не обошлось без измены.

– Это уже по твоей части, – съязвил Сумукдиар. – Начни следствие по факту предательства, которое выразилось в деблокировании Арзуана от многократно превосходящих войск противника.

– Напрасно шутишь. – Сарханг мухабарата нахмурился. – Разумеется, никто из серьезных людей не верит, что ты можешь изменить Атарпадану. Более того, могу под огромным секретом довести до сведения: его величество святей-

ший эмир Уалкинасал Ас-Кечан-Гюн намерен присвоить тебе очередное воинское звание «паша»... – Он посмотрел на друга и тревожно спросил: – Чего ты?

На лице агабека вспыхнула яростная гримаса. Оскалившись и гневно сузив глаза, джадугяр выдохнул свирепым свистящим шепотом:

– Ах, вы мне доверяете... Вот спасибо! А можно было бы и о другом подумать: кто обвиняет в предательстве пашу, который разгромил вражеское войско! Хотелось бы мне знать, за чьи деньги они стали вдруг такими бдительными.

Шамшиадад замахал руками и примирительно заверил, что Тайная Стража разберется с кем положено. Сумукдиар покипятился еще немного, но быстро остыл. Чего, в конце концов, взять с этого служаки – человека сильного, довольно честного и неглупого, однако неспособного самостоятельно мыслить, а тем более самостоятельно действовать. Увидев, что волшебник успокоился, Шамшиадад облегченно продолжил:

– Будь другом, объясни наконец, чего ты добивался своими заумными маневрами.

Фыркнув, Сумукдиар осведомился, известно ли уважаемому начальнику городской Тайной Стражи о существовании Орды сюэней под командованием некоего Тангри-Хана. Шамши, насторожившись, кивнул. На этом разговор прервался, потому что друзья подошли к Самшитовому замку, и продолжился только за плотно запертыми дверями кабинета

сарханга Шамшиадада.

– Ну так вот, слушай внимательно, – сказал джадугяр, который уже два дня подряд без перерыва объяснял всем свой замысел. – Самое позднее через год сюэни будут здесь. И мы обязаны готовить свою армию для будущих сражений. Там, в Арзуане, была только проба сил. Главное впереди, а войска наши слабо подготовлены. Подразделения плохо выполняют команды, организация давно устарела, офицеры безграмотны, оружие – отвратительного качества.

– Это все бессмысленно, – отозвался Шамши упавшим голосом. – Они разбили лучшие армии Парфянского царства. Нам остается надеяться, что сумеем откупиться от сюэней. Или – что Орда пойдет не по южному берегу Гирканского моря – через Парфию и Средиморье, а по северному. В таком случае они сразу же обрушатся на Рысь, и веныды, хочется верить, сумеют наказать сюэней. В противном случае нет разницы – чуть лучше или чуть хуже подготовлены и вооружены твои солдаты... Пойми: армия Тангри-Хана непобедима!

Презрительно усмехнувшись, агабек Хашбази напомнил: – Мудрые предки учили, что не бывает непобедимых армий. Бывают армии победоносные, да и то – до поры до времени.

Лицо Шамшиадада вытянулось, и он демонстративно поморщился, ибо в эмирате отнюдь не поощрялось цитирование изречений Джуга-Шаха, объявленного «злейшим вра-

гом атарпаданского народа». Однако, будучи профессионалом, Шамши сумел возвыситься над политическими антипатиями и поинтересовался, что именно, по мнению младшего повелителя Ганлыбея, необходимо для подготовки армии Атарпадана к возможной войне. Давно готовый к такому разговору Сумук стал перечислять:

– Нужно новое оружие – из железа и стали, а у нас три четверти войск имеют деревянные доспехи и бронзовые мечи. Нужно также другое оружие – магическое, но это уже моя забота... Необходимо обучать личный состав новой тактике, без которой не одолеть Тангри. Нужно добиться единения всех народов Средиморья.

– Добивайся! – обрадовался Шамшиадад. – Я же говорю: ты – лучшая кандидатура для таких переговоров.

– Попробую, конечно. Хотя меня в равной мере не любят ни здесь, ни в Хастании, поэтому официальных полномочий я не получу, а без них мало толку... И еще нам позарез нужны новые десятки ифритов и драконов. Такого страшного врага можно подавить лишь превосходящей огневой мощью.

Хохотнув, хозяин кабинета заметил, заговорщически подмигивая гостю:

– Ну, драконов-то мы скоро получим. Ты и привезешь.
– Значит, все-таки придется лететь...
– Обязательно. И не только полетишь, но и попытаешься договориться со своими дружками на севере. Мы ведь тоже

понимаем, что войны избежать навряд ли возможно. Просто до сих пор все надеялись на помощь Парфии, но парфяне попали под удар с двух сторон и теперь почти лишились армии... – И он добавил доверительно: – Дядюшка Салгонадад пытался убедить эмира, что без союза с Великой Белой Рысью нам не обойтись.

Такие высказывания обнадеживали. О величии государства венедов и скотов в Средиморье вспоминали только в самые тяжелые моменты – стало быть, даже в Нефритовом замке понимают серьезность положения. Только вот захочет ли Рысь помогать тем, кто четверть века назад проявил столь черную неблагодарность и откололся от великой державы... Но говорить этого вслух Сумукдиар не стал, спросил только:

– Сколько будет яиц?

– Дюжина. Но главное твое задание – переговоры. Дядюшка очень рассчитывает на твою миссию. Передай воеводе Огарышу, что Атарпадан готов допустить на свою землю армию рыссов.

– Хорошо. А что теперь? Пора идти в военное ведомство, я уже проголодался.

Шамши заверил, что они отправятся в соседнее здание сразу же после допроса. После, так сказать, очередной неоценимой услуги.

Двое конвоиров, держась за рукоятки коротких мечей, ввели арестованного – худого низкорослого качкына с

неприятным бегающим взглядом выпученных глаз.

Противник попался не из трудных. Конечно, кто-то постарался, накладывая на его разум чары темных сил, так что при обычном допросе из него не удалось бы выдать ни слова, но для грамотного волшебника такие чары не представляли проблемы. Сумукдиар развернул джаман в виде колокола, который обрушился на качына. Арестованный вскрикнул и, закрыв глаза, погрузился в забытье. Шамшиадад шепнул другу, что требуется как можно скорее снять показания, после чего придется немедленно убить лазутчика – иначе могучие заступники успеют уговорить эмира освободить пленника. Понимающе кивнув, джадугяр спросил:

– На чем он засыпался?

– Прибыл на корабле из-за моря. Его заподозрил мой человек в портовой страже – наш земляк, между прочим... Да ты его должен знать, вы же вместе в Бактрию ходили.

– Юзбаши Надсар?

– Он самый... Так, значит, Надсар обратил внимание на его странное поведение и приказал обыскать. В мешке арестованного нашли книгу магрибских заклинаний, несколько заколдованных предметов и бутылку ядовитого зелья.

– Что за волшебные предметы? – моментально заинтересовался Сумук. – Случайно не оружие?

– Прости, не знаю. Все сразу забрал дядюшка...

Естественно, Салгонадад немедленно наложил лапу на столь ценную добычу... Мысленно вздохнув и непочтитель-

но обозвав Верховного Джадугяра, Сумук достал из сумки, пришитой к изнанке плаща, квадратик тонкого золотого листа. Затем была извлечена рамка с подставкой, в которую он заправил золотой квадратик, после чего нараспев произнес заклинание. Хотя окна были зашторены, золото засверкало, словно попало под ярчайший солнечный луч – теперь каждое произнесенное слово, каждое движение будут навечно запечатлены листком заколдованного металла.

Завершив эти приготовления, ганлыбельский агабек усилил нажим джамана и, отчетливо выговаривая каждый звук, потребовал от арестованного поведать без утайки всю правду о себе и связях с заговорщиками в Акабе, равно как с темными силами Магриба.

Едва разжимая посиневшие губы, качкын заговорил сдавленным хриплым голосом:

– Я – Садулла, сын Манафа, охотник из деревни Кешишкенд, что на востоке Хастании. Три года назад проклятые хастанские собаки ворвались в наше селение, убивали мужчин, бесчестили девушек... Моя невеста после зверских надругательств бросилась в пропасть. Вернувшись наутро с охоты, я обнаружил только пустые дома и горы трупов... Всех уцелевших жителей они погнали в горы, старые женщины ночью бежали босиком через заснеженный перевал... Добравшись до сторожевых постов Атарпадана, мы поклялись отомстить и пошли в Акабу, но в столице оказались никому не нужны... Горожане смеялись, говорили: «Качкыны –

не мужчины, дедеркины – евнухи, надо было не бежать на восток, а драться, защищать свои дома, свои земли, своих жен...» – Неожиданно Садулла принялся завывать и раскачиваться. – О Всемогущий, что мы увидели – по Акабе спокойно разгуливали ненавистные хастанцы-дыга, и атарпаданцы даже не думали убивать их, а подлые жители Акабы презирали не дыга, а нас, несчастных качкынов! Ничего, настанет час, когда мы перережем акабских псов, как резали дыга!

Он говорил все свободнее – похоже, Сумукдиару удалось достаточно глубоко подавить его волю и запреты, наложенные чародеями из числа магрибских прислужников. Однако стоило Шамшиададу потребовать, чтобы Садулла рассказал о своих контактах с врагами, как арестованный сразу начал запинаться.

– Мою семью приютил Плешивый Самир, хозяин курильни опиума на Второй Портовой улице. Я часто ходил на галерах за море, привозил зелье из Бикестана, из Джангышлака... В доме Самира собирались разные люди, бывали и высокие персоны, велись важные разговоры...

– Кто собирался? Назови имена! – заорал Шамши.

Садулла молчал, бессмысленно устремив в пустоту застывший взгляд. Крупные капли пота наперегонки скользили по его бледному лицу.

– Ответишь после, – приказал Сумукдиар, усилив нажим джамана, чтобы окончательно сломить сопротивление. –

Продолжай.

– Хорошо, господин, я отвечу, – покорно повторил Садулла. – Там были очень большие люди. Когда я заслужил доверие, меня и других... стали допускать на сходки. Нам говорили, что городская чернь вконец обнаглела, что простолюдины хотят жить как прежде, при Асвильде и Джуге, хотят свергнуть законную власть эмира, убить жрецов, богатых людей, которые защищают качкынов. В народе растет любовь к мятежникам-хуррамитам... Говорили ещё, что многие землевладельцы и купцы хотят пригласить дружественных нам демонов Тьмы, чтобы покарать не... покорных, восстановить прочный порядок, а затем – отвоевать наши деревни, захваченные хастанцами. Для начала нужно было объяснить колеблющимся недоумкам, что во всех их бедах повинны вовсе не богачи, не властители, но – проклятые чужаки, которых слишком много в Акабе... Человек в черном капюшоне говорил, что надо сначала выгнать всех дыга, отдать их имущество, деньги, дома качкынам и дедеркинам, а потом мы будем убивать леггов, хастанцев, хозар – всех, кто осмелится не подчиниться. Еще он говорил, что правители Хастании поступили мудро: сразу выгнали всех атарпаданцев и надолго связали свой народ круговой порукой пролитой крови... Я и другие облеченные доверием искали на городском дне воров и убийц, снабжали их деньгами и анашой. Мы находили и покупали глупых болтунов, у которых хорошо подвешен язык и которые готовы говорить все, что угод-

но, – лишь бы их слушала толпа... Так мы подготовили резню, мы вывели на улицы Акабы десятки тысяч качкынов и дедеркинов, которых вели опытные бандиты, убийцы, грабители. Мы убили и ограбили многих богатых дыга – кроме тех, конечно, которые вовремя уплатили выкуп нашим командирам... Этим, которые откупились, – им мы помогали добраться до порта и сесть на корабли... И еще мы убили много атарпаданцев, на которых указали хозяева, – эти считались опасными для нашей будущей власти...

Взбешенный Сумукдиар, прервав излишние бандита, потребовал назвать организаторов прошлогодней резни, Садулла пытался сопротивляться – внедренное в его душу злое колдовство требовало молчать, но агабек снова усилил натиск своего говве-а-джаду, и бывший охотник, сломленный и раздавленный, заговорил. Он перечислял столь известных и влиятельных вельмож, что бедняга Шамшиадад буквально трепетал, но золотая пластина бесстрастно впитывала каждый звук. Арестованный запнулся лишь в самом конце, когда пришло время произнести имя главного заговорщика – того, кто являлся на тайные сборища, закутавшись в черный плащ с капюшоном, и творил леденящие кровь обряды, взывая к владыке теней Анхра-Майню. Садулла клялся могилами предков, будто внезапно забыл, как зовут этого жреца, и наверняка не лгал – магический запрет заставил его забыть имя. Сумуку пришлось применить довольно сложные чары, чтобы извлечь из памяти качкына картину кровавого дей-

ства, где над коленопреклоненными фигурами возвышался некто, совершающий дьявольский ритуал.

– Гара Пейгамбар! – в один голос вскричали Сумукдиар и Шамшиадад.

Да, похоже, это действительно был сам Черный Пророк, главный жрец возродившегося мрачного культа. На вакханалиях в капищах, где приносились человеческие жертвы, Гара Пейгамбар взывал к Анхра-Майнью, которого франки называют Ариманом, однако теперь Сумук понимал, что прежний повелитель Тьмы, исконный соперник Ахурамазды, покинул грешный мир смертных пигмеев. Так кому же подчинялся и молился Черный Пророк, милостями каких злых демонов он пользовался? Если прав старый мудрый дэв Белушезиб, – значит, подземное царство ужаса и смерти исторгло нового демона, который ныне возглавляет силы Зла. Вероятно, это и был пресловутый Иблис, о котором в последнее время появилось множество легенд, часть которых звучала вполне правдоподобно. Как бы то ни было...

– Очень важное признание, – удовлетворенно произнес гирканский джадугяр. – Оправдываются давние мои подозрения.

– К прискорбию... – Шамшиадад шумно вздохнул и произвольно дернул себя за бороду. – Боюсь, эта добыча нам не по зубам, ибо названные им персоны неуязвимы. Кажется, он все уже сказал, как ты думаешь? Эй, юзбаши, перережь горло этому негодяю.

Сотник привычно взялся за кривой кинжал, но Сумукдиар шевельнул бровью, и стражник почел за благо не трогаться с места в ожидании дополнительного приказа. Джадугяр сказал укоризненно:

– Не спеши. Или ты желаешь, чтобы столь важный свидетель умолк прежде времени? У меня зарождаются подозрения насчет того, кому ты служишь.

– Ты смеешь подозревать меня?! – дрожащим то ли от возмущения, то ли от страха голосом вскричал Шамши, но внезапно его гневный запал иссяк, и он произнес покорно: – Ты прав, я поторопился. Продолжай допрос. Какие еще вопросы мы не успели прояснить?

– Самый важный, мы не знаем, кто, к кому и зачем послал его в Акабу из-за моря. Отвечай, Садулла, сын Манафа.

В надломленном разуме не оставалось больше сил для сопротивления. В кабинете зазвучал монотонный безжизненный голос, доносившийся словно из *гору* – могилы. Посланец магрибцев говорил бессвязно, рваными фразами:

– Память изменяет, как продажная девка... Помню подземелье и демона, шептавшего заклинания, потом – корабль в штормовом море... Тангри-Хан – огромного роста... клыки, как у кабана, вокруг – чудовищные духи... Я должен был передать Черному Пророку кинжал, чтобы убивать джадугяров... Черный Пророк помнит, что обязан безоговорочно подчиняться приказам великого Хызра, любимого брата и соратника самого Тангри-Хана... Главное – не допустить

примирения между Хастанией, Атарпаданом и Колхидой, пусть убивают друг друга как можно больше... – неожиданно Садулла изменил голос, будто пытался подражать кому-то: – Скажи колеблющимся: не бойтесь вмешательства Белой Рыси, там есть немало наших друзей, с ними Ящер – они без труда перессорят доверчивых недалеких венедов и антов, не допустят, чтобы армия северян выступила на помощь Бикестану, да и Будиния не пропустит через свои земли войско рыссов... Эй, нукер, передай Хызру: когда мы раздавим Бикестан, настанет очередь Белой Рыси, но и в Средиморье мы направим пару туменов. Будь готов открыть ворота Акабы, когда Орда подступит к стенам... – Его глаза вдруг открылись шире, чем возможно для человека, и качкын издал дикий вопль: – Об этом нельзя говорить никому, кроме Хызра!

Обмягшее тело арестованного сползло на ковер, как рыхлая груда тряпья. Шамши метнулся к упавшему, тряс за плечо, прикладывал зеркальце к почерневшим губам, заглядывал под веко. Сумукдиар чувствовал себя совсем омерзительно – чужая магия увела пленного у него из-под носа!

– Унесите труп! – распорядился сарханг Тайной Стражи, убедившись, что Садулла ускользнул в мир, откуда не возвращаются.

– И сожгите на всякий случай, – сказал Сумукдиар. – Плохо дело. Силы Зла растут, а мы не успели выведать явки Хызра.

– Будем искать. Попытаемся бороться, пока это возмож-

но, – пробормотал Шамшиадад и растерянно добавил: – Сумук, ведь у нас еще остается немного времени, правда?

– Осталось, осталось...

Джадугяр покачал головой: если даже этот нестигаемый воин мухабарата так перепуган, что же тогда говорить о простых солдатах... Выдержат ли они натиск Орды, особенно если Тангри-Хан действительно захватил Золотой Дворец на вершине божественной обители горы Хималай, если он смог разграбить наследство Индры?.. Нет, даже объединившись, все три армии Средиморья, пусть и при поддержке слабых дружин аланов, легов и хозар, не сумеют отразить нападение сюэней. Спасение от рабства и гибели лежало к северу от Большого Гирдыманского хребта, в стране Великой Белой Рыси!

– Когда мне вылетать? – спросил он.

– Чем скорее, тем лучше. – Голос Шамшиадада стал чуть-чуть крепче. – Что делать с яйцами – сам знаешь. Главное, любой ценой пробейся к своим друзьям, особенно важно заручиться поддержкой воеводы Огарыша. Объясни, что Атарпадан согласится пропустить армию рыссов.

– От имени кого я это скажу? – Вопрос прозвучал излишне жестко, но время дипломатии ушло безвозвратно.

Шамши тихо проговорил:

– От имени Верховного Джадугяра Салгонадада.

– Боюсь, этого будет мало, но я попытаюсь.

Когда они шли по пустому коридору Самшитового замка,

Сумукдиар осведомился, какие меры примет Тайная Стража против Гара Пейгамбара и других выявленных пособников Магриба. Беспомощно разводя руками, Шамшиадад ответил:

– Сообщу хекмандару, он доложит дальше. Думаю, эмир прикажет перепроверить. В общем, все останутся на свободе.

– Я так и догадывался, – буркнул Сумук.

На улице он мрачно вглядывался в лица прохожих. Нормальные вроде бы люди. Купцы, ремесленники, крестьяне, солдаты, виноделы, моряки, прорицатели, алхимики, лекари, рыбаки, свахи, аристократы. Пешие, верхом на коне, в арбах. Кто быстро, а кто неспешно. Обычные лица – озабоченные, унылые, задумчивые, веселые, беззаботные, счастливые, отрешенные, горестные. Нормальные люди... А ведь кое-кто из них не так давно превратились в озлобленных убийц и мародеров, истреблявших вчерашних друзей. Сегодня они вновь казались миролюбивыми законопослушными гражданами, но Сумукдиар понимал, что злые чары магрибских колдунов лишь затаились и ждут удобного момента, чтобы вновь прорваться наружу кровавым разгулом насилия.

Иногда ему говорили, что эти люди не виноваты в том, что творили, ибо совершали отвратительные поступки, поvinуясь магии темных сил. Однако опыт и знания не самого

плохого из волшебников Средиморья подсказывали, что Зло овладевает лишь теми, в чьей душе поселилась склонность к недоброму и кто не пытается бороться с Мраком в самом себе...

Мерзкое настроение, нараставшее с момента прибытия в город, обострилось до предела, когда они подошли к угрюмому зданию военного министерства. Той Акабы, которую он когда-то любил, которую по праву называли «жемчужинной Гирканского побережья», больше не существовало... Неожиданно навалилось кристально ясное осознание безысходности, неотвратимости поражения в грядущей битве, к сердцу подступила апатия, как это уже случалось много лет назад, когда возглавляемые им три конные сотни чуть не угодили в ловушку неподалеку от бактрийской столицы Хабура, а потом он еще раз испытал подобное же чувство, когда узнал о резне между хастанцами и атарпаданцами...

И в это тягостное мгновение весь мир вдруг исчез, будто никогда не существовал, и агабек Сумукдиар Хашбази Ганлы, третий джадугяр эмирата, обнаружил, что стоит на узком горном серпантине, ведущем через отроги, перевалы, пропасти – к Розовому замку, возведенному почему-то на далекой-предалекой, но тем не менее прекрасно видимой вершине. А на соседнем пике горел нестерпимо яркий золоти-сто-огненный сгусток, и в душе разлилось блаженное умиротворение, словно после выпитого кубка хаомы – напитка богов.

Свет, лившийся с острой, будто заточенной, горной вершины, успокаивал и вселял надежду. Свет, которому от рождения был посвящен Сумукдиар, означал, что древнее божество вновь снизошло к своему смертному, хотя и не просто-му адепту. Кто он – Ахурамазда, Люкс, Аполлон, Вишну? Не все ли равно! Ведь высшему существу глубоко безразлично, каким именем нарекут его люди. В разных странах Его называют по-разному, но все это Он – бог Света, Светоносный... Последнее имя, неожиданно сорвавшееся с внутреннего голоса, смутило волшебника, ибо он слышал о некоем Светоносном, который якобы состоит ныне в свите Единого бога, и это сопоставление смущало и внушало страх. Однако Сумукдиар отогнал преждевременные догадки, тем более что над горным краем загремел мощный и доброжелательный голос.

– Не спеши отчаиваться, мой верный друг и союзник. Да, враг силен, но его злая сила не беспредельна. В нужный момент ты получишь помощь. Отныне я буду чаще являться тебе.

– Значит, сохранилась надежда на победу? – радостно спросил Сумукдиар. – Но что могу сделать я один?

– Ты не один, – строго указал Светоносный. – Тебя поддерживают высшие силы и даже сам Демиург. У тебя есть друзья и скоро появятся новые – буквально сегодня вечером. И помни: ты на верном пути, но постарайся, чтобы дом в конце этой дороги стал твоим как можно быстрее – только

так мы сможем соединить прошлое с будущим.

Повелитель Света и Молний не пояснил своей мысли, но Сумукдиар понял и без слов. Человек, народ, государство, лишенные прошлого, обречены остаться без будущего. Жизнь – триединство безостановочного превращения настоящего в грядущее, но драма эта играет на сцене, выстроенной минувшими поколениями. Выбить из этой цепи любое звено – значит погубить все. Сковать разобщенные кольца в прочную цепь – вот путь к спасению и победе.

Он очнулся и понял, что вновь стоит на пыльной раскаленной улице, а перепуганный Шамши осторожно треплет его за рукав.

– Слава Ахурамазде, он приходит в себя, – с облегчением в голосе проговорил тайный стражник. – На тебе лица нет, весь белый, как хорошая мука. Что случилось, дружище, какие демоны уносили в потусторонний мир твою душу? Или... – Его глаза почтительно округлились. – Или ты разговаривал со своей Тенью?

– Да, был разговор, – подтвердил Сумук, не вдаваясь в подробности. – Послушай, за победу над хастанцами мне, кажется, полагается сколько-то золота...

– Именно так. Его величество повелел... Теперь раскаивается, не хочет платить.

– Облегчим душу эмира. Попытайся договориться с властями... Я отказываюсь от денег и прошу взамен Розовый

замок.

– Это их, конечно, устроит, – признал Шамши. – Но зачем тебе старый замок?! Туда же никто не может войти!

– Так надо. Ну, пошли, не будем терять времени.

Они поднялись по ступенькам, миновали зевавших от скуки часовых, бесцельно сжимавших заржавленные алебарды, и вступили в святая святых военной машины Эмирата. Харби назиррийе, военное министерство – тепленькое местечко, вожди которого увлеклись мздоимством до такой степени, что организацией обороны государства вынуждена заниматься Тайная Стража. Два самых боеспособных полка – Мидийский на севере и Гирканский на юге подчинялись непосредственно назиру... то есть министру мухабарата, прочие же армейские части воевать не могли, поскольку их командиры давно распродали и оружие, и провиант, и амуницию, и даже военные планы. Хорошо хоть Атарпадан не имел серьезных противников, а войска Колхиды и Хастании были насквозь проедены той же заразой взяточничества и потому не представляли реальной угрозы.

По коридорам военного министерства надлежало передвигаться мелким, нарочито замедленным шагом, еле-еле волоча ноги, словно в похоронной процессии. И жизнь здесь текла с такой же неспешной тягучестью, как будто не грохотали над миром ужасающие потрясения, требующие немедленных ответных действий. Разжиревшие обитатели этого болота старательно не обращали внимания на все внешние

бури. Более или менее честные люди, хоть немного озабоченные судьбой Отечества, служили • непосредственно в боевых полках или в Тайной Страже, а военное ведомство, как трясина, затягивало ленивых, праздных, тупых и жадных. Многие толстосумы всяческими неправдами пристраивали своих тупоголовых сынков в джаду-медресе, школу магии, оканчивая которую эти раскормленные юнцы зазубривали два десятка простейших заклинаний, после чего, имея звание дипломированного мага, становились чиновниками разных министерств, включая харби назиррийе. Таких называли *алверчи*, таких презирали, но именно такие недодумки составляли правящую элиту Эмирата. По всей видимости, их мозгов не хватало, чтобы осознать всю меру надвигающейся угрозы, которая сметет с насиженных местечек всех этих недоносков.

Впрочем, конечно же сметены и смещены будут далеко не все. Многие удержатся на поверхности и даже приумножат свои доходы – те, кто не просто бездельничают, но истово служат враждебным силам. Таких здесь тоже хватало с избытком.

О, как хотелось агабеку Хашбази Ганлы ворваться сюда в сопровождении верных соратников, пройти под тусклыми сводами размашистым солдатским шагом в развевающемся плаще, взбудоражить этот омут, разогнать лоботрясов и бездарей, перевешать предателей! Но нет, он вынужден послушно следовать бессмысленным традициям, разыгрывать сми-

рение, упрятав в глубинах воспаленной души презрение и надежду. Несбыточную покуда надежду расквитаться с презренными губителями родной земли.

Они чинно проследовали по длинному коридору, церемонно приветствуя попадавшихся на пути напыщенных взяточников и дебилов, свернули за угол, поднялись на третий этаж, и Шамшиадад распахнул роскошную, полированного сандалового дерева дверь. Кабинет занимал помощник раиса магических вооружений старший маг Нухбала.

Этого деятеля Сумукдиар откровенно терпеть не мог и чувств своих по обыкновению не скрывал. Маг тот был никудышний, родился недоношенным и с повреждением головы, вдобавок его, по законам племени Нух, в день совершеннолетия кастрировали, готовя то ли в евнухи, то ли в наложники для высокопоставленных извращенцев. Потом Нухбала каким-то образом оказался в Царедаре, где изучал зачатки алхимии, при этом самым мерзким образом сожительствовал с хастанцем по имени Араик, внуком купца Анастаса, вернейшего соратника Джуга-Шаха. Вернувшись в Акабу, Нухбала на каждом перекрестке громогласно хвастал близким знакомством (можно даже сказать – родством) с потомком «великого человека», а также всячески прославлял ум и порядочность «братского хастанского народа». Однако чуть позже, когда Хастания предъявила претензии на Арзуан и пролилась кровь, он стал говорить, что с пеленок ненавидел

«проклятых дыга», которые все как один убийцы, воры, ту-пицы, садисты и так далее. Словом, проститутка – он и есть проститутка. Тем более кастрат.

О неприязни, которую агабек Хашбази Ганлы питает к его драгоценной особе, Нухбала прекрасно знал и отвечал злобной взаимностью, но принял посетителей подчеркнуто приветливо и даже посулил настоящий колдовской обед. Он прочитал – нараспев, но запинаясь и с ошибками – мудре-ное заклинание, и на столе появилось множество изыскан-ных кушаний.

Восхищенный его чародейскими способностями Шамши одобрительно причмокнул, однако Сумук едва удержался от смеха: все эти роскошные блюда были отнюдь не наколдо-ваны, а приготовлены хорошим поваром и спрятаны заран-нее в комнате этажом ниже. Нухбала просто освободил ча-ры, поднявшие подносы со второго этажа на третий. Что ж, если не умеешь творить чудеса – умей хотя бы видимость создавать...

После трапезы старший маг, сделав строгое лицо, принялся нудно излагать, сколь сложное и ответственное задание доверено Сумукдиару.

– Созрела очередная дюжина драконьих яиц, – говорил он таким тоном, будто доверял страшную тайну. – Чтобы из них вылупились настоящие бойцовые звери, необходимо, чтобы кто-либо из джадугяров два-три дня возил эти яйца над мо-рем, сидя верхом на сильном огнедышащем драконе. Тебе

придется...

– Знаю, все знаю, – лениво отмахнулся уставший от его трескотни гирканец. – Давайте корзину с яйцами, дайте дракона – и я полечу. Через три дня получите то, что вам надо.

– Я облечен полномочиями объяснить смысл твоего задания, – с тупым упрямством повторил Нухбала. – Ты должен взять корзину, в которой находятся ровно двенадцать драконьих яиц, оседлать большого дракона серой породы... Нет, кажется, дракон будет уже оседлан...

– Не нервничай, – посоветовал Сумукдиар любезным тоном. – Я сам писал эту инструкцию и к тому же не раз летал на такие задания. Объясни мне другое – как с женщинами обращаться, может быть, хотя бы в этом вопросе ты осведомлен лучше, чем я...

Шамши захохотал, а Нухбала наконец сообразил, что над ним нагло издеваются, и побагровел. Со столь явной непочтительностью он сталкивался, наверное, впервые после производства в маги. Странная, кстати, история с его назначением: алхимик – и вдруг попадает в службу магических вооружений. Наверняка влиятельные родичи помогли.

– Будешь долго болтать – упустим время, – безжалостно продолжал джадугяр. – Если я вылечу позже, чем солнце минует полпути от зенита до моря, – яйца могут неправильно дозреть, и вместо дракона вылупится простой крокодил... Или, быть может, ты нарочно задерживаешь мой вылет?... – Он победоносно уперся сапогом в край стола, угрожающе

покачивая заостренным сафьяновым носком. – А ну, признавайся, сколько и какими монетами заплатили тебе гонцы Тангри-Хана?

Теперь лысина Нухбалы побледнела, и уничтоженный маг-алверчи растерянно пролепетал:

– В инструкции ничего не говорится о времени вылета...

– Потому что сие есть великая тайна. Впрочем, если ты не веришь... – широким картинным жестом Сумук показал на волшебный светильник. – Обратись к Верховному Джадугяру, и он объяснит тебе все: и про то, когда следует отправляться в полет, и для чего это нужно!

Скопец отрицательно замотал головой. Его хварно, и без того тусклое, вовсе потухло. «Он, что ли, и разговаривать через огонь не умеет? – подумал гирканский агабек. – Или забыл от страха, как это делается...»

Небрежно кивнув на прощание, Сумукдиар вышел и направился в свой кабинет. Благодаря должности главного магического консультанта по военному министерству (главным военным джадугяром был, конечно, совершенно не владевший магией родственник эмира) он получил в этом здании небольшую каморку, где хранил кое-какие мелочи. Несколько коротких, но мощных колдовских формул сняли заклятие, часть стены превратилась в дверь, и он шагнул в комнату. Здесь все оставалось точно, как в момент, когда он покидал кабинет в прошлый раз. Да иначе и быть не могло – никто, кроме Сумукдиара, не смог бы сюда войти.

Он наполнил двойную торбу деликатесами: банка черной икры, балык из севрюги, козий сыр с зеленью, копченый хашам, три огромных кувшина – с красным, белым и зеленым вином... За спиной скрипнула дверь.

– Ты зарываешься, – строго сказал, стоя на пороге, Шамшиадад. – Не стоило так жестоко дразнить Нухбалу.

– Дураков надо учить... Пошли, я готов.

– Ну, как знаешь... Я тебя предупреждал.

Легкий фаэтон, запряженный парой иноходцев, примчал их на пустынное поле далеко за крепостными стенами столицы. Только степь, поросшая красноватой колючкой, да нестройные ряды приземистых каменных сараев, в которых содержались боевые драконы. Солдаты-нестроевики расквартированной здесь вспомогательной сотни опасно растворили ворота и вывели крылатого ящера – немолодого, но еще вполне здорового и крепкого. Сумукдиар ласково похлопал зверя по чешуйчатой шее, и дракон, миролюбиво взревев, выпустил в небо слабую струйку пламени.

– Помни, нам нужны огнедышащие среднего класса. Лучше всего серой породы, – в очередной раз повторил сарханг мухабарата. – Не для воздушного боя, но чтобы поражать сверху пехоту и кавалерию. А в корзине у тебя лежат яйца драконов, которых ты вывел прошлой зимой – ползающих зеленой породы.

– Ясно. – Сумукдиар уже устроился в седле на спине огромного животного, удобно облокотившись на раздвоен-

ное звено гребня. – Я все помню. Отойдите подальше.

Люди проворно бросились врассыпную. Дракон расправил крылья, несколько раз громко хлопнул ими, разминая могучие мышцы, пробежал шагов двадцать и плавно взмыл в небо. Когда деревья внизу сделались размером с ноготь мизинца, а фигуры людей стали и вовсе неразличимыми простым глазом, джадугяр легонько потянул уздечку, направляя полет ящера в сторону моря.

Его ждала Великая Белая Рысь – держава, где жили племена венедов, антов, сколотов, склавенов, а также другие народы, которых обычно называли одним словом – рыссы.

Глава 4

ПРИЗРАЧНОЕ ЦАРСТВО

Дракон по имени Длиннозубый, размеренно помахивая крыльями, плавно несся на высоте тысячи локтей над гирканскими волнами. Бесновавшийся накануне шторм утихомирился, и море из свинцового снова сделалось бирюзовым и приветливым. Далеко внизу оставались корабли, острова, вулканы, стада осетров, хастано-атарпаданские войны. Отлепив от берега за пределы видимости, Сумукдиар решительно повернул на север, поскольку отнюдь не собирался трое суток кружить над Гирканом. Возить яйца над волнами в надежде, что полудохлая гужевая порода превратится в свирепого дракона-бойца, – что может быть вздорнее!

Сказочку о благотворном влиянии морских круизов придумали два года назад армейские маги и высшие чины мухабарата, а суеверные глупцы привычно поверили в этот нехитрый вымысел, освященный авторитетом старших джадугяров. Отныне Сумук и другие настоящие волшебники получили легальную возможность время от времени покидать на несколько дней эмират, а затем возвращаться с почти созревшими яйцами боевых драконов. В действительности привозимые яйца поставлялись из почти бездонных арсеналов Великой Белой Рыси – иерархи Царедара и Древлеборска по-

нимали, что армии Средиморья следует подпитывать – в расчете на будущее – современным магическим оружием.

Обогнув покрытые вечными снегами вершины Гирдыманских гор, агабек погнал Длиннозубого на северо-запад, и вскоре под крыльями показались неровно разделенные межевыми линиями поля и сады, мелькали крепости, хаты, терема. Здесь было больше рек, озер и лесов, чем в Средиморье, да и сам воздух был чище и свежее – и не только из-за отсутствия пустыни.

Кое-где на полях можно было увидеть запряженную в соху клячу, кто-то копошился на огородах. Одетые в лохмотья крестьяне работали явно нехотя, в четверть силы. Поневолу Сумукдиар вспомнил, как поутру купец-венед говорил, мол, мужики вконец обленились. Пролетая над очередной унылой деревушкой, он имел возможность наблюдать, как на площади княжеская дружина порола нагайками меланхолично стонавшего парня. Односельчане взирали на эту картину с привычным равнодушием и оживились только на миг, когда какой-то мальчишка восторженно закричал: «Дракон летит!» Впрочем, и огромный крылатый зверь привлек общее внимание ненадолго – нагляделись, видать, и на ящеров.

Потом впереди заголубела широкая речная лента, на изгибе которой тонули в зелени белокаменные и кирпично-красные строения. Приближалась цель полета – Волчьегорск. Повинуясь натяжению поводьев, дракон обогнул город со стороны дальних лугов и пошел на снижение. Сели они с дра-

коном на обширном поле возле небольшой крепости.

Здесь Сумукдиара ждали. Едва спрыгнув со спины Длиннозубого, гирканец оказался в объятиях Златогора, младшего воеводы из приказа Тайных Дел, с которым они подружились в Шайтанде и вместе прошли страшную Сарыкарскую долину. Пока старые друзья вспоминали добрые минувшие деньки, солдаты сноровисто загнали дракона в заранее подготовленное стойло, а молчаливые молодцы, несомненно состоявшие в тайной службе, отнесли в неведомом направлении корзину с яйцами.

Разговор продолжался в уютном теремке для почетных гостей за столом, ломившимся от даров скатерти-самобранки. Печеного гуся и заливного поросенка запивали красненьким гирканским, а ледяная горилка превосходно шла под балычок, икру и маринованные бадымджаны, фаршированные чесноком и острейшим перцем. Снеди было по-рысскому обычаю слишком много, так что борщ и каша гречневая остались почти нетронутыми, но Сумукдиар пообещал, что на ужин приготовит настоящий атарпаданский плов с хурушами.

Чуть позже, когда прибравшая пустую посуду и свернувшаяся в походный рулон самобранка отправилась на буфетную полку, а на столе появились две серебряные кружки и бочонок кваса, Златогор сделался серьезным и осведомился: – Как ты оцениваешь то, что творится?

Свое отношение к происходящему Сумук выразил короткой, но многоэтажно-содержательной и по-солдатски красочной фразой, после чего добавил:

– Думаю, ты со мной согласен.

– Ох, не скажи. И хотелось бы, чтоб ты ошибался, да вынужден согласиться.

– Стало быть, надлежит кумекать, как из этой выгребной ямы выбираться. По моему разумению, выход только один.

– Единый бог?

– Конечно. Отцы вспоминают прежнее время с таким восторгом и умилением, что трудно им не поверить.

– Так-то оно, конечно, так, да только... Вот погляди: ваши соседи Парфия и Месопотамия – приняли Единого, а покоя-то нет. Который год сражаются... Как там, кстати, дела на фронте?

– Похоже, парфяне разбиты.

Последние вести с боевых полей указывали, что война близится к концу. Месопотамский халиф Аббас-аль-Гуссейн хитроумно заманил в болота и полностью истребил парфянскую армию. Впрочем, силенок для завершающего удара по вражеской столице у халифа тоже не оставалось, а потому начались мирные переговоры. Сумукдиар полагал, что дельта спорной реки Шат, из-за которой разгорелся весь сыр-бор, достанется Месопотамии. К тому же парфян подталкивала к примирению новая угроза с востока – Орда сюэней.

– Вот видишь, – сказал Златогор. – Поклонение Единому

богу еще не означает мира и спокойствия.

– Само собой. – Джадугяр скорчил невеселую улыбочку. – Порядок должны навести мы сами. Богу – богово, а сам не плошай!

Воевода закивал и сказал:

– Нас больше всего беспокоят два обстоятельства: растущая смута внутри Рыси и нашествие сюэней.

– Это одно и то же, – сказал Сумукдиар, – вернее, две разные стороны одной монеты. Внутренние разлады в странах Востока вызваны чарами колдунов Магриба... – Он запнулся, пытаясь вспомнить, в который раз за последние дни повторяет эти объяснения. – Враги надеются, что, занятые своими склоками, мы не сможем дать отпор Орде и Восток почти без сопротивления попадет под владычество Запада.

– Звучит правдоподобно... – задумавшись, Златогор сделал паузу. – Признаюсь, кое-кто из наших тоже подозревает такую связь. Например, Верховный Волхв Светобор, великий князь царедарский Ваньша Ползун, князь белоярский Саня Пушок, главный воевода Охрим Огарыш... Но многие думают по-другому. Ты сможешь отстоять свои убеждения?

– Запросто!

– Тогда... В любой момент может быть созвано Княжье Вече. Я попытаюсь уговорить владык, чтобы тебе разрешили присутствовать. Ведь твой титул почти равен княжескому.

Княжье Вече? Гирканец понял, что вплотную приблизился к одной из важнейших и тщательно оберегаемых тайн Бе-

лой Рыси. Считалось, что все княжества сколотое и венедов совершенно самостоятельны и связаны лишь общим языком. Однако ходили упорные слухи, что политика всех карликовых уделов: Царедара, Змиева, Турова, Белоярска, Владиграда и других, – тщательно координируется, и в самые тяжелые времена рыссские князья на очередном Вече выбирают царя и главного воеводу, которым вручаются все бразды правления. Похоже, слухи эти не были злостной выдумкой магрибцев.

А Златогор между тем продолжал:

– ...Но если с бунтовщиками-раскольниками внутри Рыси мы можем управиться собственными силами, то проблему союзней придется решать в тесном боевом союзе с соседними государствами.

– Согласен. – Сумук потрянул головой. – Каракызское и Алпамышское ханства уже захвачены Ордой, Парфия и Месопотамия истощены девятилетней войной, а на ляхов, франков, кельтов и даже на варягов надежды немного. Слишком уж далеки от Итиля и Гиркана их земли. Стало быть, мы должны любой ценой объединить – хотя бы на время – Белую Рысь, Великую Будинию, Бикестан, Средиморье, страны Северного Гирдымана и, неплохо бы, сарматов. Сильный получится союз.

– Получится ли? Народы Средиморья с таким остервенением увлеклись взаимоистреблением... Хотя, конечно, осознание общей опасности помогло бы забыть старые распри.

Со стуком поставив на стол тяжелую кружку, гирканец твердо выговорил:

– Я не мыслю будущего Средиморья вне Великой Белой Рыси. И таких, как я, много. Больше, чем вы тут полагаете.

– Рад слышать. Хотя по долгу тайной службы я знаю немало, в том числе и о настроениях в вашем краю. Только ведь ты должен понимать: решать будешь не ты. Надо, чтобы правители Средиморья или хотя бы старейшины главных племен сами попросили нас о помощи либо предложили свою подмогу – как им больше по нраву.

Презрительно фыркнув, Сумукдиар сообщил о предложении Салгонадада. Златобор явно обрадовался, но потом снова загрустил и проговорил меланхолично:

– А все-таки, чтобы победить Тангри-Хана, придется – ой как придется! – пупок надорвать. Даже все вместе можем не выдюжить!

Горилка погасила обычную сдержанность Сумукдиара, природный темперамент взял свое, и волшебник запальчиво выкрикнул:

– Не о том думаешь! Тангри-Хан должен быть нашей первой, самой ближней заботой! Даже если мы отбросим Орду – а мы ее отбросим, не сомневаюсь, – все равно предстоит битва с главными силами Магриба. Вот к чему надлежит готовиться уже сегодня!

– Не спеши, – мягко прервал его Златогор. – Дай пока с Ордой разобратся. Они ж, псы поганые, ловко воюют, всех

соседей одного за другим на колени поставили.

– Кто же спорит! – Агабек встал, шумно толкнув резной стул. – Они применяют великолепную тактику, идеально подходящую к их вооружению и организации ордынских туменов. Но и к их манере ведения войны можно подобрать противоядие. Я недавно специально принял командование армией в Арзуане, чтобы проверить кое-какие свои задумки. Поверь, победить сюэней непросто, но вполне возможно. Согласованные удары пехоты, конницы, боевых драконов, поддержанные обстрелом метательных машин и магическими ударами, производят ошеломляющий эффект.

Молодой венецкий воевода заметил: дескать, имел в виду не только тактику. В горах Хималая, сказал он, сюэни захватили немало волшебного оружия, так что разгромить Орду удастся лишь в том случае, если армия Белой Рыси будет оснащена равноценными средствами поражения и защиты.

Сумукдиар невольно усмехнулся: он и сам в последнее время только что во сне об этом не думал. И вот теперь ту же тему поднимает Златогор. А ежели идея носится в воздухе, значит, она созрела и стала остро актуальной.

– В войне с каракызами, – продолжал воевода, – сюэни использовали какое-то новое оружие, которое годом раньше не применяли против алпамышей. Благодаря этому колдовскому средству они перебили всех летающих драконов, которых у каракызского хана имелось в избытке. Мы с Охримом полагаем, что этой весной, в перерыве между двумя кампани-

ями, Тангри-Хан наконец-то разобрался в некоторых видах магического оружия, которое он добыл в Хималаях.

– Не Тангри-Хан научился пользоваться этим оружием, а магрибцы обучили его, – уточнил агабек. – Чем сейчас занята Орда?

Златогор ответил, что весной, то есть после захвата Каракызского ханства, Тангри-Хан пытался продолжить завоевание Загирканья. Небольшие отряды сюэней вторглись в Бикестан, нанесли тамошним кочевникам серьезное поражение, но в глубь страны не пошли. Видимо, Тангри-Хан не желает сражаться во время летнего зноя, а потому решил дать своим солдатам отдых. Следует ожидать, что осенью Орда снова двинется к берегам Гирканского моря и, несомненно, захватит весь Бикестан.

– По нашим сведениям, бикестанцы добыли какие-то интересные трофеи, – сказал венед. – Я имею в виду образцы оружия, в том числе были захвачены даже те штуковины, которыми сюэни сбивают драконов. Хотелось бы, конечно, поближе поглядеть, что это такое.

– Не дают?

– Наотрез отказались.

– Может, я попробую? – предложил Сумук. – Слегаю и разведваю. Или уговорами добуду через друзей, или подкупом.

– Попытка не пытка, как говаривал батюшка Джуга-Шах. – Златогор с трудом выдавил унылую улыбку. –

Только сначала сделай здесь чего обещал.

– Сделаем...

Солнце – тоже, между прочим, демон из свиты Ахурамазды – неуклонно клонилось к закату, поэтому джадугяр решил заняться делом безотлагательно. Хозяева не стали перечить и предоставили в полное его распоряжение просторную чистую келью, где было достаточно темно Для предстоящего разгула колдовских материй.

Разложив на столе необходимые ингредиенты и пять пар яиц из тех, что привез с собой, Сумукдиар выставил зрителей за дверь и прикрыл глаза, погружаясь в медитацию. Над столом засветилась, наливаясь лазурной голубизной, материализованная субстанция говве-а-джаду.

Даже все сведущий сарханг мухабарата понятия не имел о том, какой именно груз повезет на север его друг. Шамшиадад был уверен, что в корзине лежат заготовленные им яйца ползающих драконов. Какое умилительное простодушие! На кой ляд, спрашивается, нужны венедам эти неповоротливые огнедышащие ящерицы, если Великая Белая Рысь обладает самым большим в мире парком чудищ такого класса? Разумеется, Сумукдиар доставил в Волчьегорск более ценные образцы.

Это были уникальные яйца золотистых драконов, отличавшихся мощными крыльями, невероятной дальностью полета. Однако были у них и недостатки: хрупкий панцирь,

слабые клыки и когти, а также неспособность к огнеметанию, что делало золотистых малоприспособленными для войны. Требовалось скрестить их с другими породами, чтобы посылно-прогулочный ящер превратился в грозного боевого зверюгу. Армия Белой Рыси располагала несколькими сотнями легких крылатых драконов для завоевания господства в воздушном сражении, но почти не имела крупных летучих ящеров, предназначенных для нанесения неотразимых ударов в глубину. Если повезет – через полгода такие звери вылупятся...

Яйца – десяток привезенных и столько же местных – повисли в воздухе, поддерживаемые магической силой. Уплотнив джаман в тончайшее лезвие, Сумукдиар осторожно, чтобы не повредить содержимого, надрезал скорлупу и развел в разные стороны верхние и нижние половинки. Его взору предстали плавающие в желтке скрюченные зародыши. Бесперывно бормоча могущественные заклинания, он, нежно прикасаясь тонкими отростками джамана, поочередно перенес крохотные комки белка «золотистых» в яйца «серых», а белок «бойцовых серых» – в яйца «золотистых дальнелетучих». Эти манипуляции изрядно утомили гирканца, поэтому он, не переставая произносить нараспев магические формулы, позволил себе небольшую передышку.

Затем Сумукдиар предельно осторожно добавил в раскрытые половинки истолченные до порошкообразного состояния клыки пещерного медведя, саблезубого тигра и ги-

гантского северного волка, а также драгоценную пудру засушенной и протертой огнетворной железы Крылатого Пламени – самого страшного дракона-великана Парфянских гор. Напряжение говве-а-джаду превысило, казалось, все мыслимые и немыслимые пределы. Заполнявшие келью флюиды чар грозили вырваться из подчинения, по углам неотвратимо обретали материальность ужасные демоны, порожденные преисподней в самом начале времен и с тех самых пор не возвращавшиеся на землю Среднего Мира.

Отступить, однако, было поздно и просто некуда, а потому гирканец, углубившись в мрачный экстаз, все громче выкрикивал чудовищные заклятия, сверхъестественно сохранившиеся от тех незапамятных эпох, когда миром владели исполинские твари, напоминавшие нынешних драконов. Беззвучно сверкали, набирая силу, призрачные – пока! – молнии, разливался пьянящий аромат грозовой свежести. В тесной камерке гулко звенели таинственные звуки колдовских фраз, а в скорлупных половинках завершался безумный по дерзости замысел. Цвет содержимого яиц непрерывно изменялся, эмбрионы из бурых и желтоватых сделались розовыми, а белково-желтковая каша бесследно всосала и растворила в себе засыпанные порошки...

Буквально прорывав заключительные магические приказы, Сумукдиар возвратил на место отсеченные полушария скорлупы, зарастил надрезы, плавно опустил яйца на расстеленный по столу бархат и, окончательно обессилив, грузно

сел, почти упал на лавку.

Голубое свечение джамана медленно угасло, и освобожденные от неодолимо зовущей силы обитатели потусторонних миров охотно вернулись восвояси. В каменной коробке снова стало темно.

С трудом ворочая языком, джадугяр позвал Златогора. Осторожно приоткрыв дверь, воевода оглядел келью и махнул рукой. Вошедшие молодцы из тайного приказа бережно укутали яйца квадратами мягкой ткани и, уложив в корзину, вышли.

– Завтра вторую партию обработаю, – пообещал Сумук слабым голосом. – Сейчас мочи нет.

– Не надо, – весело ответил венед. – Хватит и этого. Остальные под драконих положим, пусть высиживают. Нам и такие ящеры очень даже пригодятся.

– Ну, как знаете.

Гирканец расслабленно встал, делая плечами резкие движения, чтобы размять непослушные мускулы. Златогор осведомился:

– Здесь заночуешь или в город поедешь?

– Давай в город. Я уже больше месяца по-солдатски сплю, надоели мне эти гарнизоны...

На дворе уже подступили сумерки, в небе загорались первые, самые яркие звезды: Муштери, которую северяне прозвали именем ромейского бога-громовержца Юпитера, и Ве-

нера – или, по-парфянски, Нахид. Над горизонтом с медлительной величавостью огромным розовым диском всплывал Бедр – Луна. Умиротворенно развалившись в бричке, Сумукдиар ударился в лирику, сентиментально любуясь грандиозной картиной Вселенского миропорядка. Звезды, светила, планеты – устремиться бы в эти скопления небесных коствор, прикоснуться к сверкающим бриллиантам огней...

Неожиданно для себя он погрузился в забытье, продремал всю дорогу до самого Волчьегогорска и, очнувшись у постоянного двора – так здесь именовали караван-сарай, – почувствовал, что сон пропал бесследно. Сопровождавший его сотник укатил обратно в крепость, на сердце гуляли неясные, но явно шальные побуждения, и впридачу к прочим заботам агабек испытывал зверский голод. Истощенный магическими упражнениями организм повелительно требовал срочного восстановления сил. По счастью время было не слишком позднее, и в ближайшем трактире еще принимали гостей.

Всего за два серебряных дирхема Сумук получил огромное блюдо отличнейшей снеди и пузатый – в четверть – кувшин кваса, который поспешил ополовинить. Затем, вооружившись кинжалом, он взялся за паровую белугу, и на душе сделалось совсем хорошо... Хотя рыба, надо признать, оказалась жестковата. Не севрюга, мать ее так.

Когда от белужьего бока осталась лишь аккуратная горка хрящей, гирканец позволил себе немного передохнуть и тут ощутил на себе чей-то пристальный взгляд. Машиналь-

но нащупав сабельную рукоятку, он украдкой осмотрелся и увидел широкую ухмылку сидевшего через два стола взъерошенного рыжебородого мужичка в потрепанной одежде солдатского покроя. Впрочем, магическое зрение без труда различило под кафтаном защитного цвета добротную кольчугу, да и меч на поясе соседа был отличный, какие рядовым ратникам по чину не положены. Продолжая скалиться, рыжий подошел, сказав добродушно:

– Здоров ты, однако, провиант перемалывать... Кызылбаш?

Не скрывая удивления, Сумукдиар поднял брови: странный мужик неплохо разбирался в чужаках. Для простого северянина все средиморцы – что алан, что хозарин, что саспир – были на одно лицо, а этот почти угадал с первого взгляда. Кызылбашами, то есть «красноголовыми», на юго-востоке называли парфян, а гирканцы с парфянами, как известно, близкие родичи. Если не родные братья, то двоюродные.

– Гирканец, – уточнил он и добавил приветливо: – Присаживайтесь.

– Благодарствую. – Рыжебородый охотно опустился на скамью. – Что же вы там не поделили с хастанцами? Все режете, режете друг дружку – пора бы угомониться.

– Долгая история... – Сумукдиар вздохнул. – И не мы одни в этой треклятой бойне повинны... С кем, кстати, имею удовольствие?

– Пушком величают. – Собеседник снова ухмыльнулся. –

Князь я из Белоярска. Не слыхал часом?

– Как не слышать... – Агабек судорожно сглотнул. – Давно искал случая познакомиться.

– Ну то-то, – назидательно молвил полулегендарный Саня Пушок. – А ты кто?

Оказалось, что новый белоярский властелин уже знал понаслышке о ганлыбельском агабеке, так что подружились они просто стремительно. На столе появились отбивные из медвежатины, бутылки «огненной воды», и веселье разгорелось с новой силой. Попутно выяснилось, что оба – единомышленники в политике, горячо осуждают мерзопакостные нынешние поветрия и ратуют за расширение Белой Рыси до границ прежнего царства. Оба видели угрозу ордынского нашествия и понимали, что без единения невозможно будет дать отпор насылаемым из-за кордонов темным силам, а тем паче не удастся достичь процветания родственных племен, населявших простор от Варяжского моря до Гирканского и дальше – до рубежей Хиндустана и берегов Ханьского моря. И еще Сумукдиар не без некоторой оторопи осознал, что злокозненные дела, творящиеся в Средиморье, полностью повторяются и в Великой Белой Рыси.

– ...Гады они паршивые, – возбужденно шипел Пушок по поводу соотчичей. – Цепляются, как проклятые, за трухлявых языческих идолов. А все почему? Понимают же: коли на небе – Единый бог, стало быть, и на земле должен быть один царь. А им этого страсть как неохота. Потому как, еже-

ли страна расколота на два десятка мелких княжеских уделов, то и порядка не будет, и безобразничать можно сколько влезет...

– И магрибцам того же надо, – подхватил гирканец. – Два десятка княжеств легко будет передавать поодиночке, а единое царство может вовсе не по зубам оказаться. Вот и вопят продажные твари на каждом перекрестке: дескать, поклоняться возможно лишь старым богам, а кто за Единого голос поднимет – тот, мол, враг нашего народа.

– То-то. А где они, старые-то боги? Сгинули бесследно и ничем нам нынче подсобить не могут. А новый Господь, Единый-то, он живо кому надо мозги вправит, тогда и дела на лад пойдут! Согласен?

– Целиком и полностью, – охотно подтвердил агабек. – Только я, грешным делом, полагаю, что Единый – суть один из прежних богов, сумевший оттеснить прочих родственничков. Случается такое, знаешь ли, в больших недружных царских семьях.

– Занятно... – у Пушки загорелись глаза. – Кто же это потвоему? Не Зевс и не Перун – это наверняка.

– Нет, не громовержец, конечно. А кто? Знать бы! Думаю, кто-то из олимпийской верхушки, наименее запачканный в Зевсовых оргиях. Может быть, Аполлон или Посейдон... Ладно, давай об этом в другой раз – чай, не в последний раз видимся. Твое здоровье, дружище.

Они звонко соприкоснулись кубками, похрустели мало-

сольными огурчиками (Сумукдиар мельком подумал, что живущие на гирдыманских отрогах леги маринуют закуски покруче) и вяло обратили усилия на остывшее мясо. Есть уже не хотелось, да и политические беседы обещали куда большее удовольствие.

Решительно отодвинув тарелку, джадугяр поинтересовался, имеется ли среди рыссов достаточно влиятельный и уважаемый вождь, которого народ охотно признал бы Царем. По его разумению, на монаршие атрибуты могли бы претендовать князь Иван Ползун, Великий Волхв Святобор и главный воевода Охрим Огарыш. Но, поскольку полководца и волшебника князья навряд ли осмелятся избрать, оставался великий князь Царедарский. Неплохая в общем-то кандидатура – мужчина степенный, рассудительный, суровый и, говорят, только с виду простоватым кажется. Сумукдиар подумал, хоть и не стал говорить вслух, что Саня, которому Ползун даровал Белоярск, должен отныне чуть не молиться на старика и следовать за ним через огонь, воду и частокол копий.

Оказалось, что он ошибался.

– Хороший дядька, – саркастически изрек Пушок. – Только вот беда, характером больно мягкий. Редко когда осмелится на серьезное решение. – Неожиданно он захихикал и поведал доверительно: – Как пошла дружба у Ваньши со мной, один белоярский рифмоплетиска эпиграммой разродился:

Пушок и Ползунок едины —
Нашли ж друг друга две скотины.

– Повесил? – меланхолично осведомился Сумукдиар.

– Жаль было веревку марасть. Мы уж по-простому – высыпали полста горячих.

Хозяин заведения, робко приблизившись, косноязычно намекнул: дескать, пора уважаемым восвояси. Расплатившись, они вышли, покачиваясь, на улицу. На столбах тускло светили фонари.

– Освежиться не мешает, – сообщил Пушок. – Айда к реке. Или предпочитаешь нежное общество?

– Предпочитаю, но лучше в другой раз. Я сегодня успел вымотаться, как...

Уточнять он не стал, рассудив, что не стоит нарываться на нежелательные встречные вопросы. Перебрасываясь малозначащими репликами, приятели спустились по склону к набережной Итиля. Великая река неторопливо струилась в темноте, тихонько плескаясь волной. Где-то невдалеке прополз против течения грузный баркас, скудно освещенный габаритными факелами.

Присев на лавочку, Пушок принялся задевать проходящих молодежи, а потом вдруг поведал, что полвека назад на этом самом месте была роскошная мраморная лестница, которая вела от набережной к установленному на вершине хол-

ма памятнику Джуга-Шаху. Когда сносили монумент, заодно разрушили лестницу и Храм Двух Святителей, а на холме вновь воздвигли языческих истуканов. Кроме того, разобрали по камушкам и другую историческую реликвию – древнюю крепость, за стенами которой войско Джуга-Шаха отражало натиск сарматских наемников в год Большой Междоусобицы. Отбив три штурма, будущий царь перешел в наступление и гнал врага до самого Сарматского Вала, что отделяет от материка Скифский полуостров. Та победа вывела Джуга-Шаха в число виднейших сподвижников ярла Асвильда и открыла впоследствии дорогу к царским атрибутам.

Тут неожиданно выяснилось, что Пушок вовсе не разделяет сумукдиаровского почтения к личности последнего царя Белой Рыси. Оказывается, прадед нынешнего белоярского князя состоял в дружине того самого Красного Атамана, который в союзе с сарматами рвался к Итилю, выступая против утверждения новой веры. Но, с другой стороны, сам Пушок ныне ратовал за низвержение обессилевших древних идолов, за Единого бога и за восстановление сильной царской власти. Воистину, чудны дела Твои, как говорится в Каноне!

Гирканец вновь попытался объяснить свое понимание той борьбы, что велась в Верхнем Мире, где обитают божества. Старые боги сошли со сцены, а потому нам, то есть людям, надлежит наконец решить: кому будем поклоняться.

– Единый жесток, я согласен, – сказал он не слишком уверенно, ибо и сам еще не разобрался до конца в своих чувствах и стремлениях. – Он требует безоговорочного послушания, соблюдения определенных заповедей и к тому же карает отступников...

– Разумные, между прочим, заповеди, – сварливо вставил Пушок. – Не убивай, не воруй, не поклоняйся идолам...

Подмигнув, Сумукдиар любобопытствовал:

– А как насчет запрета прелюбодействовать?

– Ну вот, то-то, – вздохнул князь.

– И я о том же. Мы слишком привыкли к многобожию, когда не обязательно было чересчур заботиться о нравственности своих поступков – какой-нибудь из богов да простит. Единый же такого бедлама не потерпит.

– Так ты за Единого или против? – нахмурился в недоумении Саня. – Чегой-то я не уразумею.

– Я и сам не смогу толком ответить. И хочется, и боязно. Только события торопят: я слишком хорошо вижу, как настырно пытаются покорить нас злые силы, а старые боги не шибко от натиска Тьмы обороняют. Похоже, придется и без желания крест принимать, никуда не денемся.

– То-то, – назидательно протянул Пушок.

Их содержательную беседу прервала колоритная сценка из местной жизни. Молоденький казачок, на верхней губе и подбородке которого едва пробивались короткие реденькие волоски, ожесточенно щупал у всех на виду столь же сопли-

вую девчонку. Сумукдиар подумал было, что наблюдает пример легендарного венедекского падения нравов, однако, как выяснилось, мальчишка отнюдь не намеревался предаваться греховной страсти.

– Ну дай деньгу, – настойчиво шептал юнец. – Чего жмешься. Хоть гривенник дай, хоть пятак. Ужась до чего выпить хотца.

– Нету денег, – плаксиво оправдывалась девица.

– А чего на улицу вышла, коли денег нетути?

– Да маманя через дорогу к тетке послала. За нитками.

– Может, тетка алтын даст?

– Не-а, не даст. И не нальет – я ее знаю.

Сплюнув, парнишка отпустил подругу и, опустив плечи, потащился в сторону кабака. Вероятно, надеялся надраться на халяву.

– Видал, до чего народ довели?! – с яростным презрением в голосе осведомился Пушок. – Знаешь, какие у нас прежде мужики были? То-то. А нынче каждый второй готов за пятак с крыши на борону сигануть. Все потому, что человек без бога в душе – уже не человек!

Скептически присвистнув, Сумукдиар признал: армия, состоящая из подобных слабаков, не то что разгромить Орду не способна, но и задержать надолго сюэней не сможет. Против полчищ Тангри-Хана требуется выставить крепкое, сильное духом и телом войско, нужны опытные закаленные бойцы, в совершенстве владеющие сложным современным

оружием...

– Да, оружие нынче не то, какое полвека назад было, – признал Саня. – Раньше от солдата требовалось что? Саблю с копьём освоить, да с коня не падать... Самое многое – лук правильно натягивать. А теперь? Арбалеты, катапульты, огнебойные машины, да вдобавок – драконы, молнии, прочая магия... Слушай, ты должен знать – чего там сюэни в Хиндустане намародерствовали, какое оружие своровали?

– Много чего могли добыть, – пожав плечами, Сумук шумно вздохнул. – Например, непробиваемые золотые доспехи Индры, всепробивающий лук Рудры, неотвратимо поражающую булаву бога смерти Ямы.

Они долго вспоминали известное из древних манускриптов оружие могучих богов Хималая. Небесные колесницы и сокрушительные огненосные стрелы громовержца Индры, его же таинственное оружие, известное под названием *ваджра*, о котором ведомо лишь, что оно «сверкало, как солнце», а по форме напоминало то ли диск, то ли крест. Были также слухи о петле бога океана, судьи и вершителя людских грехов Варуны – петле, в которой враг гибнет, теряя силы, а также упоминался всепроникающий и усыпляющий взгляд Куберы – повелителя северных стран, бога богатства и горных духов якшей.

Неожиданно Пушок звучно шлепнул себя по колену и сказал:

– Чего об этом зазря трепаться! Этих чудес нам уже не

видать – надо думать о том чародейском оружии, до коего мы еще способны дотянуться.

– Например, стрелы Геракла, – хмыкнул гирканец.

Хотя это и не афишировалось, но среди специалистов ходил упорный слух: дескать, Пушок непонятным образом сумел вывезти из Эллады пропитанные ядом лернейской гидры сокрушительные стрелы, принадлежавшие прежде могучему сыну Зевса и Алкмены. Оружие, как мыслилось, обещало быть страшным, ибо с равным успехом поражало как смертных, так и сверхъестественных бойцов.

Хмуро шевельнув бровями, сколотский князь процедил в ответ:

– А у кого-то, кажись, меч Ареса дома хранится...

– И не только меч, а даже полный доспех, – не удержавшись, похвастался Сумукдиар, хотя в глубине души он иногда сомневался, богу ли войны принадлежали в прошлом эти латы. – Но, в общем, ты конечно же прав. Необходимо искать оружие древних богов – к примеру, молнии Зевса, золотые стрелы Аполлона и, главное, голову Медузы горгоны.

Пушок отвечал в том духе: мол, насчет стрел и молний он подробностей не знает, а вот голова Медузы, взгляд которой даже после смерти сохранил ужасающую способность обращать в камень все живое, то...

– Голову вроде бы Афина Паллада у Персея отобрала, – напомнил князь. – И прикрепила себе на грудь, то есть к нагруднику панциря. Или на щит.

– Говорят еще – на эгиду, – уточнил Сумук.

– А это что за зверь?

– Эгида? Кто ж ее знает... Нигде нет ответа. Известно лишь, что какое-то защитное устройство. Слышал, говорится: «под эгидой», то бишь «под защитой».

– Ладно, пес с ней, с эгидой. Еще про какое оружие богов мы знаем?

Средиморский волшебник посоветовал новому своему другу не спешить. Допустим даже, сказал он, что голова Медузы горгоны утрачена бесповоротно. Однако у Медузы было две сестрички, причем взгляды обеих обладали столь же смертоносным действием.

– Ну, Единый тебе в помощь, ищи... – неуверенно покачивая головой, проговорил Пушок. – Только... Помнишь небось, что сестры Медузы... коих звали... в общем, обе сестры бессмертны и поразить их невозможно.

– Управимся...

У него уже дозревал, обрастая последними черточками и детальками, план операции на острове, где обитали крылатые змееды с каменящими взглядами. План был сложный, многоступенчатый, очень рискованный, однако другие варианты представлялись просто неосуществимыми. «Придется попробовать», – решительно подумал Сумукдиар и демонстративно широко зевнул.

– Спать пора, пожалуй, – сказал он, потягиваясь. – Скоро полночь.

– Да погоди ты, детское же время, – возмутился Пушок, но тоже встал. – Я вот еще о чем думаю...

Он бегло перечислил средства вразумления, к которым эпизодически прибегали варяжские, кельтские, олимпийские, склавенские и прочие боги, после чего, хитренько подмигивая, напомнил, что и Единый явился в Средний Мир отнюдь не с пустыми руками – не мир послал Он, но меч вручал. Впрочем, ясно было, что слово «меч» в этом контексте употреблялось иносказательно, что в действительности речь идет о куда более грозных диковинах сверхъестественного происхождения. К сожалению, фаластынский трактат не сообщал наиболее существенных деталей, но встречались намеки, будто Единый поражает своих врагов не молниями, как Перун, Зевс, Индра или Доннер, но – льющимся с неба огнем. Именно таким сильнодействующим средством были перевоспитаны эпицентры халдейского разврата Содом и Гоморра.

Тут Сумукдиар встал как вкопанный и, оставив на собеседника ошалелый взгляд, прошептал:

– А ты знаешь, дружище... По моим сведениям, Джуга-Шах пытался овладеть силой небесного огня, и, говорят, алхимики даже наварили ему несколько амфор какой-то кошмарной субстанции! Однако большой войны с Магрибом тогда не случилось, и кувшины эти вслед за царем канули в Джеханнам, то есть в преисподнюю.

– Похоже на правду, я тоже слышал, будто знаменитый

ныне алхимик-правдолюб Андис получил что-то такое... – Пушок равнодушно пожал плечами и продолжил подъем по склону. – А правда ли, что ты возвысился до постижения собственной тени?

– Естественно, что собственной. Чьей же еще!

Гирканец не скрывал раздражения: ну, допустим, не считаешь ты прежнего царя, но зачем же отвергать с порога все, что с его именем связано! Агабек Хашбази прекрасно понимал, что в изнуряющей битве за престол Джуга-Шах натворил множество мрачных дел, пролив совершенно безобразные реки невинной крови. Однако при всем при том о ратном деле саспирский тиран заботился неустанно и немало на этом поприще преуспел. Нет, неправ был повелитель Белоярска, не придавая значения раскрытому в то время секрету Огня Небесного...

– Между прочим, я на днях, наверное, увижу Андиса, – сказал вдруг Пушок. – Только ни хрена мы от него не узнаем – старик совсем из ума выжил.

Неожиданно ночную тишину разорвал истошный крик – истерично вопила какая-то женщина. Поначалу слов разобрать было почти невозможно, однако постепенно Сумукдиар уразумел, что женщина жалуется – на все и всех: и муж у нее – пьянь, и сыновья – лоботрясы, и дочери – суки неблагодарные, и снохи – гулены подзаборные, и зятя – кобели, и огород не родит, и корова не доится, и солнце с луной неправильно светят, и еще много чего – не так, как надо.

Во всех этих бедах крикунья винила всех подряд, исключая почему-то самое себя: и князя местного, и волхва, и соседа-ведьмака, и куму-вертихвостку, и чернозадых средиморцев, и купцов-грабителей, и околоточного пристава, и городских дьяков, и прежних правителей, и бродячих скоморохов, и заучившихся книжечеев.

– ...а еще расплодилась нынче погань всякая, – причитала она, срываясь на визг, – нашептывают: дескать, надобно отринуть исконных наших идолов да призвать из пустынь фаластынских злобного Яхаву-кровопивца... У-у-у, ироды окаянные!.. Они ж, падлы, хотят волхвов опять плетью посечь, а нам на выю попов посадить... Опять воспретят нам Купалу да русалии праздновать... Не надо нам бога вашего Единого, мы Перуна с Белесом почитаем!

Кто-то, также скрытый сумраком, грозно произнес обобленным голосом: заткнись, мол, дура-баба, пока осиновый кол в глотку не вколотили. И без того дикие вопли истерички превратились в нечленораздельный вой, быстро слабеющий вдали, словно кричавшая убежала сломя голову.

Иронически улыбаясь, гирканец спросил:

– Неужели все ваши противники Джуга-Шаха и Единого бога – такие вот психи? Как у вас таких называют – одержимыми?

– Кликушами... Вот скажи мне, колдун, с чего они так орут?

– И не так еще заорешь, коли в тебя бес вселится!

Они подходили к забору постоянного двора, где обосновался Сумукдиар. Похлопав на прощание друга по плечу, Пушок осведомился, чем тот намерен заняться на следующий день, но, пропустив мимо слуха неопределенный ответ, тут же сказал:

– Я тебя завтра найду, свожу в одну компанию. Образованные, мать их перетак, собираются...

– Да я вообще-то... – начал было Сумук, помнивший, что ему светил полет в Бикестан.

– Не возникай, – строго оборвал Саня. – Нехорошее завтра число, так что не советую одному в городе болтаться, особенно под вечер... Ну, бывай здоров.

Поднимаясь по лестнице в свою комнату, Сумукдиар, с трудом отгоняя хмельную сонливость, пытался сообразить, что за «нехорошее число» будет завтра. Вроде бы сейчас, в середине лета, подходила к концу русальная неделя, последняя ночь которой посвящается буйному празднованию Ивана Купалы. Ну пляшут, ну распутничают – чего тут бояться? С милой душой предадимся тем же развлечениям, чтобы не выделяться из народа...

Он криво усмехнулся: принять участие в такой оргии было заманчиво, только вот проспаться надо, чтобы не выглядеть бледно грядущей ночью. Кое-как раздевшись, он отхлебнул из ковша огуречного рассола, прямо в сапогах повалился на кровать и погрузился в тягучую дремоту.

Пробуждение оказалось болезненным. Открыв глаза, еще не отойдя от привидившегося кошмара, гирканец лежал, глядя в потолок и пытаясь понять, что же происходит. Окружающий мир неуловимо изменялся, образы предметов, скрытых тьмой, но ясно видимых магическим зрением, расплывались, искажались и ломались, принимая совершенно немыслимые причудливые очертания.

Внезапно он понял и резко встал, отбросив одеяло. Набирая мощь, накатывались волнами колебания волшебных сил. Словно десятки, а то и сотни исключительно сильных чародеев одновременно творили согласованный колдовской штурм, пытаясь совместными усилиями совершить нечто чрезвычайно важное.

Приблизившись к окну, Сумукдиар увидел в неверном голубоватом полумраке сверхъестественного мира, как на бегущем к реке склоне появились призрачные, полупрозрачные силуэты разрушенных много десятилетий назад лестничных пролетов, обрамленных перилами и колоннадой, а на окрестных холмах трепетали, неуклонно наливаясь материальностью, контуры крепостных стен, фортов, теремов, монументов и храмов. Все стало предельно ясно, ибо происходящее вполне отвечало его собственным устремлениям, и гирканский джадугяр осторожно, чтобы не помешать остальным, включил в общие усилия немалый напор своего говве-а-джаду. Не оставалось сомнений, что в эти мгновения на всем колоссальном пространстве лесов и степей Великой

Белой Рыси вырастают призраки былых твердынь.

Обычно чародеи пользуются запасами собственной волшебной силы, могуществом своего хварно, полученного при рождении, многократно приумноженного за годы учения и упражнений. Но в некоторых случаях, когда приобретенного говве-а-джаду недостаточно и требуется применить куда большие масштабы магических субстанций, колдуны вовлекают в сверхъестественный процесс волю и зачаточные хварно окружающих. Легче всего сделать это ночью, когда люди спят, а тайные их помыслы отпущены на волю и стремятся к объектам мечтаний. В предрассветные часы несложно собрать воедино мысленную силу тех, кто желает того же, что и те, кто устроил этот колдовской приступ, равно как тех, кто не слишком возражает против этой идеи.

В данном случае идея была проста и понятна – возрождение Великой Белой Рыси. Разумеется, далеко не каждый из жителей венедекских и сколотских княжеств горячо мечтал о новом слиянии этих карликовых государств в могучее царство. Но таких людей было немало, а многие другие, пусть и не думая о царстве, жаждали мира, спокойствия и достатка, которые возможны только в большой сильной стране. И вот над Рысью запульсировала невидимая обычным глазом густая сеть, вытканная из жгутов волшебной силы и впитывающая невысказанные пожелания простых смертных.

Сумукдиар мягко и аккуратно вплел собственную нить в узор этого необъятного невода. В едином строю с осталь-

ными, которых он не знал и, возможно, никогда не узнает, агабек Хашбази Ганлы отдавал всю энергию своего джамана во имя Белой Рыси, Атарпадана, Средиморья, во имя всех стран и народов Востока, и усилия эти, помноженные на помощь сотен других волшебников, мало-помалу приносили плоды. Магический узор становился все более сложным и четким, совместная воля бесчисленных волхвов, джадугяров, магов, ведунов, чародеев, обращаясь давлением колдовских волн, непреклонно создавали новую сущность. Чародейский штурм уже не просто использовал желания единомыслящей части населения, но и давил прочих, кто не разделял этих устремлений. Твердо и безжалостно решалась едва ли не самая сложная колдовская задача: изменение убеждений, внушение желаемых взглядов. Такая тонкая работа могла совершаться лишь при безукоризненной координации, при безусловном подчинении каждого участника строго выверенному плану совместных действий.

Безусловного подчинения, впрочем, не было и в помине. Сумуку даже казалось, что магическая сеть составлена из двух плохо связанных половинок, причем одна половина настроена решительно и воинственно, тогда как другая – чем дальше, тем больше боится продолжать начатое дело и готова в любой момент пойти на попятную.

Тем не менее несметная армия чародеев была чудовищно близка к триумфу: еще немного – и цель была бы достигнута. Неожиданно Сумукдиар почувствовал, что их натиск захле-

бывается, словно почти неодолимая сила магии натолкнулась на отлично организованный отпор. Сплетенная с таким трудом сеть начала рваться, и на месте лопавшихся узелков стремительно набухали отвратительно-бесформенные пятна густого непроницаемого мрака. Тьмы было не слишком много, но силы Зла давно и прочно утвердились на решающих участках, а потому теперь легко и просто отразили сумбурную атаку разбросанных по всей стране чародеев. Тем более что между волхвами Светлых Сил не было, видимо, прочной договоренности...

По разодранному узору волшебных струн пробежали искры – и сеть распалась окончательно. Призраки древних твердынь нехотя растаяли. Зло – пусть временно, пускай ненадолго – победило.

Не чувствуя от усталости собственного тела, невероятно переживая это – в общем-то закономерное – поражение, Сумукдиар кое-как доковылял до кровати, рухнул лицом на подушку, моментально уснул и проспал почти до полудня.

Глава 5

БОЛОТНЫЙ ШАБАШ

Разбудил его неистовый стук в дверь. Спросонок гирканец схватился было за саблю, но потом разобрал, что голос принадлежит Златогору, и, накинув на голые плечи халат, со спокойной душой отодвинул засов. Друг буквально ворвался в комнату, напугав Сумукдиара мертвенной белизной лица и неестественно выпученными глазами.

– Ты спал? – спросил он шепотом.

– И вдобавок один. К прискорбию... А что стряслось?

– В самом деле ничего не знаешь? Не знаешь, что здесь ночью творилось?

– Вроде тихо было, – неуверенно ответил Сумук, ополаскивая лицо холодной водой из стоявшего в углу ведра. – Мы с Пушком за полночь шатались по городку и ничего особенного не заметили. Пьянь всякая куролесила помаленьку, кликуша вопила – вот как будто и все дела.

Златогор, по-прежнему волнуясь и недоверчиво поглядывая на гостя, сел и, отдышавшись, сказал, понизив голос:

– Колдуны наши ночью учудили. Попытались возродить прежние порядки. Опутали чародейством всю землю рыскую, чтобы вышибить из людишек дурные мысли.

– И что? Получилось?

Сумукдиар наконец-то проснулся и похолодел: если дознаются, что и он в этом деле замешан, могут не посмотреть, что иноземец. Коли не прирежут в укромном местечке, так вышлют к бесам собачьим. А еще хуже – донесут в Акабу: тщился, мол, воротить кровавую тиранию... Тогда уж точно не поздоровится!

– Сорвалось у них. – В голосе воеводы проскользнул намек на сожаление. – Примерно треть волхвов не поддержала мятежников, да еще какие-то неведомые силы вмешались, о которых нам знать не положено. Герослав, князь Волчьегогорский, шибко осерчал, всюду дружинников расставил, много волхвов похватали.

Нахлынувшая липкая слабость будто сковала гирканца. Бессильно покачивая головой, он пролепетал: дескать, теперь начнется охота на ведьм и чародеев, будут кидать в остроги всех без разбору.

– Если бы только вашего брата сажали... – Златогор вздохнул. – Враз воспряли духом почитатели разных кровавых божков, которым – удайся ночной умысел – конец пришел бы. Нынче с утра главный жрец Белеса проклял Единого бога и подстрекал смердов бить князей-отступников. Ой, полетят головушки...

– Кто же из князей им неугоден?

Воевода проговорил совсем тихо:

– Первым, само собой, Ваньша Ползун, а потом и другие могут погореть... Санька Пушок, приятель твой, к приме-

ру... опять же Добровлад из Славомира... Словом, все, кто за Единую Веру ратовали... – И он добавил, озираясь: – Говорят, в Царедаре тоже шорох пошел. Вроде бы Охрим Огарыш в петлю полез, едва откачали старика.

– Хреново, – пробормотал гирканец.

Он торопливо прикинул в уме свои шансы. Получалось, что разыскать всех до единого участников колдовского штурма властям не удастся. Чтобы разоблачить сильного волшебника, требуется по меньшей мере столь же сильный чародей, а таковых в распоряжении местного князя быть не должно... Во всяком случае, в потребном количестве... К тому же вскорости у Герослава появятся другие хлопоты: опьяненные ночным успехом, жрецы демонов Тьмы примутся устраивать кровавые вакханалии, призывая злых духов, и правители поневоле обратятся за подмогой к волхвам, посвященным Перуну, Сварогу, Хорсу, и, быть может, даже к опальным ныне последователям фаластынского учения.

Извечная борьба между Светом и Тьмой продолжалась, и пусть сегодня торжествовали магрибские прислужники Зла – окончательной победы они еще не достигли... И навряд ли когда-нибудь достигнут. Сумук приободрился.

– Ты бы, особенно к вечеру, не выходил на улицу, – заботливо посоветовал Златогор. – Сегодня ж Иванов день.

Джадугяр совсем было собрался сделать пренебрежительный жест, но передумал. В конце концов, друзья – вчера Пушок, а сейчас Златогор – желали ему добра. Как известно, в

ночь на Ивана Купалу, когда учиняются жуткие по непотребству обряды, на свободу выпускаются Темные Силы, встречаться с которыми адептам бога Света вовсе не безопасно... Он дернул щекой и напомнил, что собирался лететь за море, в Алпамыш.

– Чем пугать, – проговорил Сумукдиар уже совсем спокойно, – лучше подскази, что именно я должен выведать в тех краях. Думаю, в первую очередь нас интересует оружие сюэней, тактика Орды... Что еще?

– Организация, планы, характеристики на командиров, настроения в войсках...

Они составили подробный перечень вопросов, охватить который за краткосрочную вылазку не сумел бы, пожалуй, даже самый могущественный чародей. Златогор перечитал список, хотел добавить еще какие-то пункты, но вдруг швырнул на стол гусиное перо и, объятый отчаянием, закрыл лицо руками. Молодой воевода, стиснув зубы, дрожал, словно от озноба.

– Успокойся, – сочувственно сказал гирканец. – В застенок пойдут маги, а не военные. Если ты не связан напрямую с мятежом, тревожиться не стоит.

– В том-то и беда, что не связан! – Златогор через силу выдавил жалкую кривую улыбку. – Эти болваны не удосужились привлечь к своему замыслу приказ Тайных Дел – а ведь заодно мы могли бы и победить!.. В другом беда, Сумук. Среди наших дьяков и даже бояр имеется немало гаде-

нышей, которые продались Магрибу и рьяно служат Тьме. И сейчас они станут, не таясь, избивать стойких патриотов Отечества, обвиняя оных в соучастии мятежным колдунам. И чародеев бить будут, и воевод, и купцов, у которых после погрома можно добром разжиться...

Мысль была здравой, но из нее логично вытекало очевидное продолжение: угроза скорой расправы неотвратимо нависает над каждым удельным владыкой. Князья, обеспокоенные произволом распоясавшихся победителей, должны будут всячески гасить разгул страстей, стараясь ограничиться пустыми угрозами. Каждый будет стремиться собрать в своем княжестве побольше сильных колдунов и толковых полководцев. Страна выживет, но раскол между уделами станет более явным, снова могут запылать междоусобные войны.

«Собственно говоря, магрибцев такой оборот вполне удовлетворит, – подумал Сумукдиар. – Поодиночке Орда легко разобьет северные княжества...» И другое следствие: единство Великой Белой Рыси сулило надежду на объединение также и Средиморья. Покуда же два десятка разобщенных карликовых вотчин были просто лакомой добычей для любого завоевателя – не более того.

– Наверное, скоро соберется Князь Вече, – предположил Златогор, потом добавил, усмехаясь: – Сколько слухов разных – просто жуть берет. Пушок спозаранку опохмелялся в корчме, так услышал от кого-то, будто твой Атарпадан вместе с Хастанией объявил войну Белой Рыси.

– Брехня.

– Понятное дело. – Воевода со вздохом поднялся.

Уже от дверей он сказал, что решение о полете в Загирканье может быть принято на высшем уровне в самое ближайшее время, так что пусть Сумук будет готов отправляться в любой момент. Затем Златогор еще раз посоветовал не выходить нынче ночью из постоялого двора без крайней необходимости. «Только по самой большой нужде выйду», – заверил его гирканец. Укоризненно покачав головой, воевода захлопнул за собой дверь.

Задвинув на всякий случай засов, Сумукдиар лениво оделся, выбрав из прихваченных в дорогу вещичек чоху с серебристыми гозырями. Поразмыслив, решил не надевать ни чалму, ни папаху. Во-первых, было жарко, а во-вторых, учитывая слухи о войне с Атарпаданом, не стоило раздражать аборигенов платьем парфянского покроя. Затем он зажег переносной светильник и, глядя в лепестки огня, отчеканил формулу дальней связи. Возникшее в пламени лицо Салгонадада было, как и вчера, опухшим от сладкого сна, и Верховный Джадугяр опять заворчал: мол, что за привычка будить людей спозаранок. Перебив старика, Сумукдиар торопливо рассказал о ночных событиях.

– Я в курсе, – кивнул Салгонадад. – Тебя не трогают?

– Пока нет.

– Если что – мы заступимся. Не бойся. У тебя все?

– Есть опасение... Возможно, лазутчики Тангри-Хана попытаются уничтожить всех нас.

– Уже пытались, – буркнул старый волшебник. – Вчера вечером в Тигранакерте кто-то всадил заколдованную стрелу в плечо Агафангелу. Ничего опасного, но мы все настороже... Ты уже разговаривал со Светобором?

– Пока нет, – вторично сказал Сумук.

– Давай, да, работай. Без ответа не возвращайся. Если понадобится – задержись...

Погасив светильник, Сумукдиар опоясался саблей и заколдовал дверь, чтобы чужие не могли заглянуть в его комнату. Попутно он не без удовлетворения просмаковал тот факт, что Салгонадад неплохо осведомлен о событиях в Тигранакерте. По всей видимости, Верховный Джадугяр Атарпадана не считал антипатриотичным поддерживать связь со своим давним другом Агафангелом, главным волшебником Хастании.

Время было обеденное, а он еще даже не завтракал. Ничего не попишешь, пришлось направиться в харчевню.

На самом видном месте расположился, естественно, вездесущий Пушок, окруженный многослойным кольцом слушателей. «Хороший вроде мужик, только пьет ужасно», – подумал гирканец. Он подыскал себе удобное местечко в дальнем углу, где можно было, сидя спиной к надежной стене, держать под наблюдением вход и весь зал. Подбежавшему мальчишке Сумукдиар заказал порцию солянки, холодную

севрюгу с хреном, котлеты с жареной картошкой, жбан кваса и большую кружку меда – после вчерашних перегрузок требовалось капитально восстановить силы. Кто знает, что сулит новый день.

Ожидая, пока подадут снедь, он нацелил удесятеренный колдовством слух на компанию вокруг Пушкиа. Тот говорил слова вполне разумные, с которыми безоговорочно согласился бы любой ортодокс из числа адептов Джуга-Шаха или Единого бога. Только вот ярла Асвильда белоярский князь на дух не переносил и не скрывал того.

– Покуда поклоняемся полусотне богов, божков и бесов, так и будем жить, расколовши рысский народ на полсотни уделов, – доносился сквозь шум его картавый голос. – Единого бога нужно призвать и выбрать одного царя, как в прежние времена. Вместе мы не то что в полста – в тысячу раз сильнее станем... А те, кои о пользе раздробленности брешут, – враги, купленные заморским золотом, Магриб-то на подкорм изменников денежек не жалеет!

Потом гирканец отвлекся, уделив большую часть своего внимания отличной похлебке. Неожиданно он обнаружил, что Саня направил в его сторону указательный палец, произнося при этом:

– Вот, братишки, сидит человек с переднего края, известнейший гирканский маг, мастер ратного чародейства – он пускай подтвердит... Скажи нам, паша, правда ли, что темные колдуны Магриба из кожи вон лезут, чтобы посеять про-

меж нас раздоры?

Три десятка взглядов настороженно устремились на прибывшего из дальних краев гостя. Не без сожаления отложив ложку, джадугяр подтвердил:

– Истинная правда. Прислужники злых сил покинули преисподнюю, куда низверг их Ахурамазда, и стремятся вернуть себе власть над миром.

– Ахурамазда – это ихний бог Света, – пояснил Пушок. – Вроде нашего Хорса.

Вообще-то, конечно, говорить «вроде» было вовсе неправильно. Как догадывался Сумукдиар, и Хорсом, и Ахурамаздой люди называли привычные им воплощения некоего высшего духа, повелевавшего Солнцем, светом, огнем и прочими приписываемыми Добру атрибутами. Известны были и другие воплощения Светоносного: олимпиец Аполлон, коварный хиндустани Будда, кельтский бог Аур или Люкс. Только в свите Единого – что бы там ни говорил Ала мазан – Агарей не обнаружил своего божественного покровителя, и это смущало волшебника, препятствуя окончательному переходу в лоно новой веры.

– А кто же тогда повелитель Тьмы? – робко поинтересовался один из горожан. – Среди наших богов, я имею в виду...

– Среди ваших – Велес, или Велес-Ваал, который вернулся в наш мир под именем Вельзевула и противостоит теперь небесному воинству Единого. Мы на юге называем его Иб-

лис... – Он сомневался, стоит ли говорить, но все же решил-ся, ибо считал недостойным таиться в страхе: – После этой ночи жрецы Белеса попытаются истребить честных борцов за дело Великой Рыси, станут сеять рознь между вашими княжествами, подобно тому как уже разожгли вражду среди стран Средиморья.

– На какой черт это им надо?

Задавший этот вопрос здоровенный бугай в кольчуге говорил с заметным варяжским акцентом. Видать, это был один из наемников, служивших в дружине здешнего князя.

– На нас идет Орда, – снова, в сотый, наверное, раз за последние дни, объяснил Сумукдиар. – Магрибцы, по обыкновению, не спешат посылать в бой собственных солдат и предпочитают натравить на страны Востока полчища сюэней. Тангри-Хан захватывает государство за государством, но править на захваченных землях будет Магриб.

– Ну-ка, Бравлин, ответь ему! – Пушок подмигнул.

– Я не ешь боится Орда, – самоуверенно заявил варяг.

– Правильно делаешь, что не боишься. Но их много, и они сильны. Чтобы разгромить Тангри-Хана, мы должны объединиться. Поодиночке сюэни перебьют нас, но вместе: Рысь, Бикестан, Средиморье, Парфия, – мы станем гораздо сильнее и обязательно одержим победу.

– Это есть дело правителей, – провозгласил варяг по имени Бравлин. – Когда мой князь приказывать, я выводить в поле свой легион и буду повести в указанный направлений...

Честь имею, господа.

Мотнув головой, он направился к выходу. За ним разбрелись и остальные. Пересев за стол гирканца, Пушок проговорил доверительным тоном:

– Знаешь уже новость насчет войны с вашими?

– Чушь собачья, – устало буркнул Сумукдиар. – Сам должен понимать. Эмир не станет щелкать зубами на Великую Белую Рысь по причине отсутствия зубов.

– А вдруг? – настаивал излишне веселый белоярец. – Что тогда станешь делать?

– Попрошу убежища, – Агарей оскалился, – у Ивана Ползуна.

Пушок скептически замотал головой и напомнил, что Ползун нынче в опале, а потому делишки у гирканского чародея хреновые. Он принялся со вкусом и знанием дела расписывать, как ввалятся в полночный час молодцы из Приказа Тайных Дел, как заломят умелым приемчиком белые руки да поволокут в подобающий застенок. Разглагольствования такого рода не могли не вызвать изрядного раздражения. По счастью, запасы игривости у Сани быстро истоцились, и он, внезапно помрачнев, сказал:

– Знаешь, кто этот варяг? Бравлин, сын Хаскульда. Главный воевода Владиграда.

Сумукдиар моментально насторожился. Что же, в конце концов, делают в этом захолустье белоярский князь и владиградский воевода? Глядишь, к вечеру окажется, что здесь со-

брались вожди всех рысских княжеств! Может быть, именно в Волчьегорске должно состояться Княжье Вече, на котором рыссы решают важнейшие свои проблемы...

– По-моему, дуб дубом, – сказал он равнодушно.

– То-то... Неплохой вроде бы рубака, волевой командир, но собственных мыслей отродясь не водилось. О Господи, под чьим началом воевать будем, ежели вправду Орда нагрянет?!

– Охрим Огарыш еще живой. Алберт, сын Громарда, в войсках популярен. Найдутся командиры.

Пушок махнул рукой и сказал, что Охрим стар, а варяжского воеводу Алберта многие князья сильно недолюбливают и, стало быть, к верховному командованию не допустят.

Демонстративно зевнув, Сумукдиар проговорил, лениво потягиваясь:

– Это ваши болячки, а я тут человек чужой... Скажи-ка лучше, чем в этой дыре вечером заняться.

– Есть одно местечко, – оживился Саня, – шикарные телки придут, из образованных. Айда?

«Видимо, Вече если и соберется, то не сегодня и не здесь, – сделал вывод гирканец. – Впрочем, Златогор обещал предупредить меня...» Вслух же сказал:

– Женщины бывают или красивые, или умные. Знаем мы этих «образованных» – посмотришь разок, а потом всю ночь кошмары будут сниться.

– Не понимаешь ты ни хрена в этом деле! – вскричал Пу-

шок. – Не бывает некрасивых баб, бывает мало выпивки!

В назначенный час приятели вылезли из пролетки возле чистенькой избушки на городской окраине и поволокли к крыльцу корзину, набитую всяческими деликатесами. Хозяйка, сударыня Людмила, и ее подруги оказались не первой молодости, но и не такими страхолодинами, как того опасался Сумукдиар. Зато гости целиком и полностью подтвердили его подозрения.

Веромир Змиевский и Борис Туровский – еще два князя оставили свои уделы и приехали не куда-нибудь, а в забытый всеми демонами Волчьегорск. Похоже, эта пограничная крепость действительно была избрана местом тайной встречи, на близость которой еще вчера намекал Златогор.

Поначалу шла общая беседа, тон которой напористо задавали женщины, стремившиеся блеснуть остроумием, глубиной эрудиции, неприятием унылой морали. Впрочем, дальше болтовни дело не шло, и все попытки мужской половины умыкнуть кого-либо из чаровниц в соседнюю светлицу для интимного времяпрепровождения («Не светлица там, а темница, – громко уговаривал девок Пушок, – там же темно, никто не увидит») неизменно нарывались на твердый отказ, сопровождаемый ужимками оскорбленной добродетели.

Князь Борис, мужчина громадного роста, имевший свирепую внешность, но по натуре, видать, добродушный весельчак, сочувственно пробасил:

– Зря стараетесь, хлопчики. Даже если чего обломится, удовольствие не стоит затраченных усилий.

– Похоже, ты прав, – уныло согласился гирканец. – А ежели не хотят, то чего ж дразнятся, так их перетак?

В разговор включился немолодой уже Веромир – худощавый горбоносый горец-гуцул из Великой Будинии:

– К тому же сегодня плохое число... Ночью будет оргия, так что умные женщины постараются не поддаваться греховным искушениям. Разок уступишь – неведомо чем все кончится.

– Ну и ладно, – буркнул разобиженный Пушок. – Только могли бы и на другой вечер назначить эту собираушку. Например, на завтра.

– Хотел бы я знать, где мы будем завтра, – туманно откликнулся Борис.

Пушок и Веромир улыбнулись, оценив тонкий юмор. «Стало быть, точное место сбора еще не известно, – понял Сумукдиар. – Они съехались сюда и ждут сигнала. Кто его подаст?» Вчера он без колебаний сказал бы, что самый уважаемый и влиятельный среди князей – царедарский повелитель Ползун. Сегодня же утверждать что-либо стало просто невозможно...

Между тем женщины, развеселившись, принялись буяннить, но уединяться по-прежнему отказывались. Окончательно разуверившийся в перспективе любовных утех, гирканец прекратил все попытки по этой части и снова присо-

единился к трем рыским князьям.

– Ну и пес с ними, пущай режут друг дружку, – флегматично говорил Борис – Нам-то какое дело, али своих забот не хватает?

– Многие надеялись, что свара за горами их не коснется, – задумчиво произнес Веромир. – Ошибались предки. Не промахнуться бы и нам...

– То-то! – обрадовался поддержке экспансивный Пушок. – Не по доброй же воле людишки тех стран вздумали усобицу затеять – их на вражду злые чары подстрекают. Ежели Зло там победит, неминуемо вражда к нам перекинется – чародейству Гирдыманские горы не помеха.

– Чары уже перехлестнули через горы, – вставил Су-мук. – Кто не слеп в магическом свете, тот видит – в каждой подворотне затаилась нечисть. Затаилась и ждет своего часа.

Занервничав, Борис Туровский осведомился: что, мол, следует делать? В один голос Пушок и Сумукдиар ответили: бить носителей темной силы. Если не истребить адептов Иблиса и Белеса, убеждали друзья, может пролиться много невинной крови во многих странах.

– И без того кровь льется, – жалобно простонал Борис. – Куда уж больше.

– Сейчас бандиты убивают честных людей, – настойчиво внушал ему Саня. – А мы зовем истреблять врагов Рода человеческого. Ну, подтверди, Сумук.

Кивнув, ганлыбельский Агарей начал развивать давнюю

свою заветную идею: собрать в ударный кулак отряды волхвов и прочих магов и пройти огнем и железом по логовищам Иблиса-Велеса. Тут Людмила, услышавшая краем уха обрывок их разговора, сказала с ужасом в голосе:

– Мужики, вы уже знаете, что здесь ночью творилось?

– Слыхали, – хмыкнул Веромир. – Не решили только, хорошо это или нет.

– Да как ты можешь шутить?! – Хозяйка всплеснула руками. – Они ж хотели воротить прежние порядки! Я сама проснулась среди ночи, гляжу – старые терема, бастионы и рavelины вырастают, что при Джуга-Шахе возводились. Это же такие чудовища чудили, прямо людоеды с острова Сааре-маа! Да они бы нас – образованных, кто собственное понимание имеет, – на месте бы вешали-четвертовали, без пыточного следствия и суда праведного...

Сумукдиар подумал, что Людмила ошибается, по меньшей мере, трижды. Во-первых, ни она, ни ей подобные пустозвонные болтуны не представляли угрозы твердому порядку, а потому даже самый свирепый тиран не стал бы ими заниматься. Такие, как она, легко подчиняются, приручаются и покупаются, а потому не отягощают правителей заботами по обеспечению их ни тюремной похлебкой, ни намыленной пенькой. Во-вторых, будучи убежденным сторонником восстановления Великого Царства под эгидой Единого бога, Сумукдиар неплохо представлял себе, как это должно происходить, а потому догадывался, что «образованных» ве-

шать не станут, а напротив, будут холить и ублажать, потому как умные люди новой власти зело понадобятся. И вот тут хозяйка провинциального салона жестоко ошиблась в третий раз, без всяких на то оснований причислив самое себя к интеллектуальной элите Великой Белой Рыси.

– Как это все-таки по-нашему, по-рыски, – скептически улыбаясь, сказал князь Веромир. – Три года куролесили, кокетничали с самыми темными из потусторонних сил, призывали на свое горемычное Отечество самые страшные напасти, а потом вдруг смекнули, что за все эти подвиги придется ответ держать... – И он неожиданно повторил вслух недавнюю мысль гирканского волшебника: – А бояться того, что надвигалось прошлой ночью, пустое дело. Заговорщики не планировали децимации.

Разумеется, все моментально загалдели, требуя объяснений, откуда известны Веромиру такие подробности. Повелитель славного града Змиева, сам не рад, что проговорился о своей осведомленности, принялся неуклюже выкручиваться: мол, слышал кое-что сегодня утром, да и вообще, дескать, владея немного магическим искусством, сумел кое-как разобраться в хитросплетениях творившейся ночью колдовской паутины.

По его словам выходило, будто чародейский штурм задумали и начали вовсе не адепты Единого бога, но волхвы старых идолов: Перуна, Сварога, Хорса и Макоши. И целью их было отнюдь не возрождение Царства, а всего лишь изгна-

ние из душ людских разного рода дурных помыслов, равно как возвращение благородных побуждений, веры в Добро, стремления к всеобщему счастью и благоденствию.

– И вдруг, – серо-голубые глаза Веромира заблестели, – в их колдовство влилась новая мощная струя, которая оказалась сильнее и повернула в новое русло поток волшебных субстанций. Вероятно, это были жрецы Единого.

– Но ведь их совсем немного, – робко вставил Борис.

Веромир сказал со вздохом:

– Все так думали... Их оказалось невероятно много, и вдобавок их магические призывы привлекли гораздо больше душ, ибо они лучше прочих понимают тайные мечтания рыссов. И наш спящий народ отзывчиво поддался магии нового Господа. Какое-то время оба клана чародеев работали совместно, и по всему пространству прежнего Царства обретали вещественность известные вам символы. Но потом поклонники многобожия дрогнули, не решаясь крепить союз с незванными соратниками... А может, не пожелали делить с ними победу, кто знает. В этот-то момент и нанесли внезапный контрудар регенты темных сил, и... В общем, на этом все кончилось.

Сумукдиар понял, что князь сказал правду, хотя и не всю. Рассказ превосходно объяснял все те загадочные явления, которые смутили гирканца в ходе ночной битвы сверхъестественных сил. Именно так, и только так, могло это происходить: начали волхвы старых богов, на помощь им разрознен-

но приходили сторонники единобожия, включая Сумука, но затем воинство Перуна-Сварога забеспокоилось, и этой их нестойкостью умело воспользовался враг.

Веромир умолчал лишь об одном: что и сам он, как рядовой носитель магии, изначально принимал участие в штурме, надеясь возродить былое величие старых верований. Гирканец привычно оценил интенсивность говвеа-джаду Веромира: тот был, конечно, не ахти каким могучим магом. Далеко не волхв и даже не волшебник, а в лучшем случае ведун или даже простой чародей, так что в ночных событиях действовал, самое большее, на третьестепенном по важности участке...

Уличать обаятельного змиевского князя в неискренности Сумукдиар не стал, полагая, что тот в ближайшем будущем может стать союзником для адептов Единого.

Для себя же гирканец сделал две важные зарубки на память. Во-первых, грубым нажимом даже самого мощного и всесокрушающего джамана переломить настроения народа, убедить колеблющихся в необходимости нового Царства не удастся – тут нужно действовать тоньше. И второе: волхвы многочисленных капищ, посвященных традиционным богам и божкам Великой Белой Рыси, показали себя заговорщиками и будут отныне в немилости у княжеских властей. Тем самым создаются отличные предпосылки для окончательного выхода из катакомб фаластынского учения о Едином боге-Творце, боге-Демиурге.

«Что поделаться, я всегда сочувствовал новой вере, хотя и опасался гнева Господня, ибо ношу на себе немало грехов, – подумал Сумук. – Нет, не должен я, служитель Света, противостоять Единому, ведь говорил же Ала мазан, что Светоносный вернулся к нам в свите Демиурга... Да и сам Он незря вызывал меня и старался приободрить!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.